

И. П. ЛАПИЦКИЙ

Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII в.

I

„Строго говоря, в повести о суде Шемяки собственно русского — не ее характер, общее содержание и мотив, а многие подробности, взятые из русского быта“, — писал акад. М. И. Сухомлинов в своем исследовании „Повесть о суде Шемяки“.¹

В науке прочно утвердилось это мнение Сухомлинова, и в повести „Шемякин суд“ исследователи видели „русский колорит“ только в имени Димитрия Шемяки.² Не только сюжет, но даже и сатира повести, по мнению исследователей компаративной школы, сложились под влиянием международных сказаний о праведных и неправедных судьях. Неудивительно поэтому, что все предшествующее нам изучение „Шемякина суда“ было историей собирания многочисленных сюжетов и мотивов в литературах Запада и Востока, из которых многие иногда только внешне напоминали русскую повесть XVII в. Но текст самой повести оставался неизученным. Этот пробел и пытается восполнить настоящее исследование. Первоочередная задача исследования — историко-юридический комментарий к тексту повести.³

„В неких местех живяше два брата земледельца“⁴

Слово „земледелец“ известно в памятниках русского языка не ранее XVI в.; это книжное по своему происхождению слово во многих памятниках XVI и XVII вв. употребляется в значении, очень близком термину „крестьянин“: „В лето 7071. Приходили литовские люди во Псковщину...“

¹ М. И. Сухомлинов. Повесть о суде Шемяки. Сб. ОРЯС АН, т. 85, 1903, стр. 666.

² А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934, стр. 87.

³ Юридические термины читаются одинаково во всех списках „Шемякина суда“ XVII и XVIII вв.

⁴ Текст повести цитируется здесь и ниже по списку ГПБ, ОЛДП, № 962, XVII в.

и полону много взяша, скота и людей посекоша, и церкви пожегоша и дворы боярские, и земледельцов“.¹ В XVII в. термин „земледельцы“ очень часто употребляется в том же значении, какое в XVIII в. присваивалось понятию „земледельческое сословие“, и обозначает крестьянское состояние. Контекст повести подтверждает, что убогий и богатый братья, действительно, были крестьянами.

Крестьянство в XVII в. было подсудно местным земским судьям и воеводам. Гражданские дела монастырских крестьян обычно судил „монастырский слуга“ совместно с местным священником и целовальником.² Дворцовые крестьяне в селах и волостях судились „приказчиками“ и выборными „судейками“.³ Наконец, „помещичьих“ и „вотчинных“ крестьян судили сами помещики и вотчинники через старост и приказчиков.⁴ Уголовные преступления и значительная часть гражданских дел крестьянства судились самим воеводой в приказной избе или под его наблюдением „приказчиками“ и „губными старостами“.⁵ Участие крестьян в „судном деле“ позволяет нам, основываясь на юридической подсудности XVII в., заключить, что „суд“ Шемяки в повести был местным, областным судом первой инстанции.

„Брат же убоги, видя, что брат ево пошел на него бити челом, поиде и он за братом своим, ведая то, что будет на него из города посылка, а не итти, ино будет езда приставом платить“

Приставом в XV—XVII вв. называлось должностное лицо, которое вызывало тяжущихся на суд. Именно в этом смысле слово „пристав“ мы встречаем уже во Псковской судной грамоте 1467 г. Из этой грамоты мы узнаем, что во Пскове для вызова в суд были особые должностные лица — „позовники“, „приставы“, „дворяне“ и „подвойские“. Все эти служители суда вызывали к суду тяжущихся, имея на руках особую грамоту, писанную „княжим писцом“, которая называлась „позывницей“.

Судебник 1497 г. впервые говорит о недельщиках; последний термин означал специальное название для приставов, которые вызывали тяжущихся в Москву из других городов и волостей. Вызов ответчиков по Судебнику 1497 г. производился посредством особой грамоты, которая еще с конца XIV в. в Москве называлась „приставной памятью“.

Судебник 1550 г., сохранив в целом старый порядок вызова в суд, постановил, чтобы во всех приказах были заведены особые книги, в которые дьяки записывали бы имена „товарищей“ недельщика. Все

¹ Полн. собр. русск. лет., т. IV. Псковская первая летопись, стр. 314. — См. также Сказание Авраамия Палицына. Русск. ист. библ., т. XIII, вып. 1, стр. 512.

² Акты Арх. эксп., т. IV, № 67 и 112; Акты юрид., № 334.

³ Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, гл. XI, ст. 1; см. также Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года, гл. X, ст. 161, в изд. Е. П. Карновича. Собрание узаконений Русского государства, т. I, СПб., 1875.

⁴ Уложение, гл. X, ст. 161.

⁵ Там же, гл. XIII, ст. 3.

эти „товарищи“ состояли с недельщиком в „заговоре“ и потому носили название „заговорщиков“ или „ездок“.¹

В XVII в. мы не находим существенных различий в правилах вызова в суд по сравнению с XVI в. Необходимо отметить, что в Судебнике 1550 г. и в более ранних документах, наряду с терминами „пристав“ и „недельщик“, существуют и другие названия этих же должностных лиц: „отроки княжеские“, „доводчики“, „подвойские“, „позовники“, „дворяне“, „рассыльщики“, „ходоки“, „ездоки“.² Но в Уложении 1649 г. мы не встречаем других терминов, кроме „пристав“, „недельщик“ и „заговорщик“.

По Уложению 1649 г. истец подавал в суд подписанную им самим „приставную память“, в которой были указаны: имена истца и ответчика, место жительства ответчика, существо иска и цена иска. И только при наличии всех этих данных дьяк мог подписать „приставную память“ и этим начать судопроизводство.³ Дьяк записывал дату „приставной памяти“ в книгу приказа и затем отдавал „память приставу, а ему по той памяти сыскав ответчика, дати на поруки, и к суду ответчику срочити безволокитно“.⁴ Выражение „дати на поруки“ означает личное поручительство, которое давали „поручники“ в том, что обвиняемый явится на суд. Об этом ручательстве „площадными подъячими и дьячками“ составлялась „поручная запись“, которая подписывалась „поручниками“ и „послухами“ (свидетелями).⁵ Ответчик должен был явиться на суд не позже, чем через семь дней, считая со дня составления „поручной записи“.⁶ Если же ответчик „скрывался“ или „отбивался“ от „пристава“, отказываясь дать „поруки“, то в этих случаях Уложение предлагает привлекать к делу „окольных людей“, „подъячих и понятых“, которые должны были или взять, наконец, „поруки“, или „поставить“ в приказ „людей“ или „дворника“ ответчика.⁷ „Будет по ответчике поручников не будет, и его держать в приказе скована, доколе поруки будут или судное дело окончится, или его отдадут в бережение приставом в руки“, — говорит Котошихин.⁸ В пользу приставов и истцов и ответчиков взимались особые пошлины, именовавшиеся „ездом“ или „хоженным“.

В это же время должностные лица, занимавшиеся вызовом в местные суды городских „наместников“, „волостелей“ и воевод, сохранили старое название „приставов“. Подобное различие „приставов“, как служителей местного суда, и „недельщиков“, исполнявших ту же службу

¹ Судебник 1550 г., ст. 47.

² Акты Арх. эксп., т. I, № 131. — Собр. грам. и догов., ч. I, № 158. — Судебник 1550 г., ст. 47 и 48. — См. также: Герберштейн. *Rerum Moscoviticarum*, 40.

³ Уложение, гл. X, ст. 100, 137.

⁴ Там же, ст. 137.

⁵ Там же, ст. 111 и 131. — Акты юрид., № 307.

⁶ Уложение, гл. X, ст. 111.

⁷ Там же, ст. 139.

⁸ Котошихин, ук. соч., гл. VII, ст. 40.

в центральных московских судах, наблюдается и в Уложении 1649 г.: „А быть недельщиком во всех приказах...“¹ Указанное нами выше различие между „приставом“ и „недельщиком“ как представителями местного и Московского суда впервые было отмечено И. Д. Беляевым.² Мы видим подтверждение справедливости этого мнения Беляева в постановлениях обоих Судебников и Уложения. Так, Судебник 1497 г. для разграничения обязанностей „приставов“ и „недельщиков“ запрещал последним ездить с „приставными“ в местах собственного жительства: „А в котором городе живет недельщик, ино ему с приставными в том городе не ездити, ни посылати ему с приставными в свое место, ни в какове деле“. Судебник 1550 г. в статье 48 постановляет, что если „недельщик“ не представил „приставной памяти“ наместнику, волостелю или их тиунам, то лишался за это не только своего „езда“, но еще и сам платил „хоженое“ „местному приставу“, который брал „поруки“ с ответчика. Уложение 1649 г. также подтвердило запрещение Судебника: „А в котором городе недельщик живет, и ему в тот город с наказными памятьми ни ездити, и в свое место товарищев своих не посылати“.³ Различие между „приставом“ и „недельщиком“ подтверждается также и величиной „езда“, который полагает Уложение этим служителям суда: „А будет на службе же пристав, по чьему челобитью по кого послан будет в уезд: и ему ездю имати на челобитчике на пять верст по две деньги же“.⁴ „А ездю недельщиком имати на сто верст по полтине“.⁵ Цитированные статьи убедительно показывают, что „пристав“ вызывал в пределах уезда в местные городовые суды, между тем как „недельщик“ вызывал ответчиков из дальних городов в московские суды. Заметим здесь также, что некоторые статьи Уложения употребляют термины „пристав“ и „недельщик“, имея в виду как будто только московское приказное судопроизводство.⁶ Мы считаем, что свидетельства этих статей отнюдь не противоречат нашему положению, ибо здесь имеется в виду как центральное московское, так и местное воеводское судопроизводство. Мы ссылаемся здесь на мнение К. Д. Кавелина, который объяснял такую противоречивость многих статей двойственностью самого Уложения: „Казуистический характер Уложения в особенности высказывается тем, что оно, будучи по своему назначению Уложением всей России, по форме относилось к одной Москве“.⁷

Замечание автора „Шемякина суда“, что „убогий“ предпочел из страха перед приставами идти на суд вместе с истцом, не дожидаясь

¹ Уложение, гл. X, ст. 147; см. также гл. X, ст. 145 и 148.

² И. Д. Беляев. О вызове в суд по древним русским законам до Уложения 1649 года. Журн. Мин. юст., 1860, кн. 2, стр. 113.

³ Уложение, гл. X, ст. 148.

⁴ Там же, ст. 145.

⁵ Там же, ст. 148.

⁶ Там же, ст. 42 и др.

⁷ К. Д. Кавелин. Основные начала русского судопроизводства и гражданского судопроизводства... Собр. соч., т. IV, СПб., 1900, стр. 209.

„посылки“, вполне соответствует действительному состоянию судопроизводства XVII в. Несмотря на то, что вызов в суд был тщательно разработан Судебниками и Уложением 1649 г., на практике именно в этой области судопроизводства было более всего злоупотреблений. Даже само законодательство в 1628 г.¹ вынуждено было признать, что законный порядок вызова в суд совершенно не соблюдается. Так, ответчики жаловались на истцов, что последние, затягивая срок суда, хотят их „изубыточить“, „распродать“ „проестями и волокитами“; истцы, в свою очередь, жаловались, что ответчики, не дождавшись суда, „съезжают с Москвы“. Злоупотребления „недельщиков“, их самоуправство и „лихимство“ отмечаются уже Судебником 1550 г.: за „взятие посулов“ „недельщик“ подвергался „торговой казни“, штрафу в размере утроенного посула и затем исключался из „недельщиков“.² „А будет которой недельщик норовя кому по посулом, или по дружбе, истцов с ответчики к суду вскоре ставити не учнет, или сверх указу возмет лишнее хоженое, и в том на него будут челобитчики, и сыщется про то допряма: и тому недельщику за то учинити наказание, бити батоги нещадно, а лишнее хоженое велети на нем доправити и отдати челобитчику. А будет он так сворует въдругие или вътретьи, и его бити кнутом и из недельщиков выкинуть“, — также говорит Уложение.³ Если верить Флетчеру, то приставы, желая „вынудить взятку“, заковывали своих подсудимых в „кандалы“, хотя бы иск и не превышал „6 копеек“. Неудивительно поэтому, что истцы, опасаясь вымогательства приставов и недельщиков, иногда собственноручно „приволакивали“ ответчиков к суду.⁴

Судопроизводство в „Шемякином суде“ также дает нам косвенное указание, что автор повести имеет в виду местный суд: суд начинается здесь немедленно при первой же явке ответчика и истца к судье, между тем как судебному разбирательству в московских приказах всегда предшествовало составление „приставной памяти“, на основании которой „недельщик“ вызывал затем ответчика на суд.

Итак, упоминание в „Шемякином суде“ о „приставах“ и „езде“ позволяет нам заключить, принимая во внимание другие указания текста, что повесть рассказывает о суде местном, областном, а не Московских приказов.

„После же суда изыдоша исцы со ответчиком
из приказу“

Слово „приказ“, в смысле учреждения, в первый раз встречается в 1512 г. в грамоте великого князя Василия Ивановича Владимировскому Успенскому монастырю.⁵ В Судебнике 1550 г. находим уже такое поста-

¹ Дополнительные статьи к Судебнику, ст. 3.

² Судебник 1550 г., ст. 32.

³ Уложение, гл. X, ст. 146.

⁴ Доп. к Акт. ист., т. I, № 51, V и IX.

⁵ Акты Арх. эксп., т. I, № 155.

новление: „а которому боярину придет жалобник его приказу“. В XVI в. упоминаются с достоверностью только Приказ Большого двора и Разбойный приказ. Но в начале XVII в. в „записке о приказах“ перечисляется уже 19 приказов, а в 60-х годах XVII в., по свидетельству Котошихина, число их достигает 42. В XVII в. „приказы“ были не только органами центральной власти в Москве, но и учреждениями местного воеводского управления в городах. В конце XVI в. наряду с существовавшими ранее „полковыми воеводами“ появляются „городовые воеводы“. Э „Разрядной росписи“ воевод 1617 г. имеется следующее указание о времени появления воевод: „Выписано в Разряде. С 121 году при государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Руси в городех учинены воеводы и приказные люди; а до 121 году при боярех и при царе Василье в тех городех воеводы были ж; а при царе Федоре Ивановиче и при царе Борисе по 113 год по Ростригин приход в тех городех воевод не было, а были в них судьи и губные старосты, и городовые приказчики“.¹ Место, где воевода „с товарищи“ „давал суд“, называлось „городовым приказом“² или „приказною избой“,³ а иногда „съезжей избой“⁴ и „приказною палатою“.⁵ „Приказные избы“ получают широкое распространение только с развитием системы воеводского управления в середине XVII в. Документы XVII в., описанные Голомбиевским и Ардашевым в московском архиве Министерства юстиции, свидетельствуют, что большинство „приказных изб“ существовало только во второй половине XVII в.⁶

На основании ряда свидетельств текста „Шемякина суда“ можно думать, что повесть имеет в виду именно местные воеводские „приказные избы“, а не центральные московские приказы. Такими свидетельствами текста являются порядок вызова в суд через приставов, подсудность истцов и ответчика, особенности процесса судопроизводства, которые убеждают нас в том, что автор повести рассказывает о местном суде первой инстанции. Упоминание в тексте повести „приказа“ является важным указанием при датировании „Шемякина суда“, ибо „городовые приказы“ или „приказные избы“ появились с развитием воеводского управления только в середине XVII в.

¹ Врем. Общ. ист. и древн. рос., 1349, кн. 3, Смесь, стр. 6; там же, Материалы, стр. 117—120; об этом же: Доп. к Акт. ист., т. I, № 14; Древн. рос. Вивлиофика, т. XVIII, Двинский летописец, стр. 15; Симбирский сборник, изд. Валуевым, М., 1845, стр. 14, 19; 91, 97; Старинные акты Шуи, № 1.

² Котошихин, ук. соч., гл. VII, ст. 36.

³ Полн. собр. зак., №№ 213, 302, 1527 и др.

⁴ Акты юрид., № 307, II, IV.

⁵ Например, в Ярославле — указ 1692 г., июля 27, именный (Полн. собр. зак. № 145), и в Тобольске — указ 1695 г., декабря 30, именный (Полн. собр. зак., № 1527).

⁶ А. А. Голомбиевский и Н. Н. Ардашев. Приказные, земские, таможенные, губные, судовые избы Московского государства. Зап. Моск. археол. инст., т. IV, вып. I, М., 1909.

„...пойде на него бить челом во град к Шемяке судии...“

Термин „судья“ в XVI и XVII вв. имел разнообразные значения в зависимости от положения лица, имевшего право суда. Уложение 1649 г. называет судьями всех должностных лиц, которые вообще „судили суд“, т. е. имели право суда как в Москве, так и в „городах“ и „волостях“: „А будет которой боярин, или окольниковый, или думной человек, или дьяки или иной какой судья...“,¹ „и бояре, и окольниковы, и дьяки, и иные судьи“.² Уложение 1649 г. употребляет также общий термин „судья“ в специальном значении должностного лица московских приказов: „и тому... являть окольным людям, и в приказах судьям“.³ Судьями в московских приказах были „думные бояре“, а иногда „стольники“ или „дворяне“, которые „вершили дела“.

Многочисленные областные „судьи“ в XVI в. представлены были „наместниками“, „волостелями“ и их „тиунами“.⁴

В 1539 г. были „установлены“ Иваном Грозным выборные „губные старосты“, которые судили „разбойные“, „душегубные“ и „татинные“ дела.⁵ С 1552 г. появляются выборные „излюбленные судьи“, ведавшие делами крестьянских общин.⁶ Они назывались также „излюбленными старостами“, „земскими судьями“, „мирскими судьями“, „выборными судьями“ и просто „судейками“.⁷ Наконец, существовали местные судебные власти в лице „разъезжих“, „данных“, „третейских“ и „вотчинных“ „судей“.⁸

В начале XVII в. „наместники“ в городах повсеместно были заменены воеводами. Судебная власть городских „воевод“ определялась иногда величиной города. По свидетельству Котошихина, города разделялись на „большие“, „средние“ и „меньшие“.⁹ В „больших“ городах воеводами были „бояре“ и „окольниковы“, которые посылались на воеводство из московского „розряда“ (а с ними „товарищи“: с „боярами“ были „окольниковы“, „стольники“ и „дьяки“, а с „окольниковыми“ — „стольники“ и „дьяки“). Воеводами в „средних“ городах были „стольники“, „дворяне“ и „дьяки“, а „товарищами“ „подьячие“. Наконец, в „малых“ городах воеводами были „дворяне“ и „дети боярские“.¹⁰ Некоторые

¹ Уложение, гл. X, ст. 5.

² Там же, ст. 14 и другие статьи Уложения.

³ Там же, ст. 251.

⁴ Акты Арх. эксп., т. III, № 139.

⁵ Акты юрид., № 203 и № 365; Акты Арх. эксп., т. III, № 152, 154, 163, 201, 210, 257, 295 и 297.

⁶ Акты Арх. эксп., т. I, № 242 и 243; т. II, № 52.

⁷ Акты ист., т. I, № 248; Акты Арх. эксп., т. I, № 250; т. II, № 52 и 69.

⁸ Акты Арх. эксп., т. III, № 277; Акты юрид., № 66 и 67; Уложение, гл. X, ст. 14⁹ и 145.

⁹ Котошихин, ук. соч., гл. VIII, ст. 3.

¹⁰ Там же, ст. 2, 3.

„меньшие“ города были „приписаны“ к „большим“ и „средним“ городам и назывались „пригородами“. Воеводы „пригородов“ назначались не из Москвы, а воеводами главных городов. Судебная власть воевод, при которых не было „дьяков“, была ограничена исками не более 20 рублей и запрещением судить „вотчинные“, „поместные“ и „холопья“ дела: „давать суд по двадцать рублей, а больше двадцати рублей и в вотчинных и в поместных, и в холопных делах на них в городех суда не давать, опричь тех городов, в которых городех по Государеву указу бывают с воеводами дьяки, и опричь понизовых городов, которые города ведают в Казанском дворце“.¹ Воеводы, при которых находились дьяки, имели право судить тяжбы с исками до 10 000 рублей.² Право судить „поместные“, „вотчинные“, „холопья“ дела и иски свыше 20 рублей, кроме воевод „пониловых городов“, принадлежало еще воеводам новгородским, псковским и казанским.³

Судебная власть воевод в гражданских делах простиралась на жителей „города“ и его „уезда“.⁴ От подсудности местному воеводе было освобождено: духовенство,⁵ „гости“ „гостиной и суконой сотни“,⁶ „архирейские“ и „монастырские“ крестьяне.⁷

Крестьяне по гражданским делам обычно судились в своих судах,⁸ но во многих случаях они судились непосредственно у воеводы.⁹ Таким образом, за названными исключениями воевода судил „служилых людей“, большинство уездных крестьян и посадских людей, а в некоторых случаях даже и неподсудных ему лиц.¹⁰ Не только гражданский, но во многих местах и уголовный суд находился в XVII в. в ведении воеводы. „Губные старосты“, которым принадлежал уголовный суд, иногда не избираются местными жителями, а назначаются самим воеводой.¹¹ В тех же городах, где не было губных старост, „губными“ (т. е. уголовными) делами ведал воевода.¹² Следствие по уголовным делам производилось обыч-

¹ Уложение, гл. XIII, ст. 3.

² Котошихин, ук. соч., гл. VIII, ст. 3.

³ Уложение, гл. XI, ст. 20; Котошихин, ук. соч., гл. VIII, ст. 1.

⁴ Новоуказанные статьи о татинных, разбойных и убийственных делах. Полн. собр. зак., № 441. — Котошихин, гл. VIII, ст. 1. — Указ 1657 г., февраля 23. Полн. собр. зак., № 200 и др.

⁵ Жалованная грамота патриаршему престолу 1653 г., февраля, № 93; указ 1672 г., января 28, № 505 и др.

⁶ Акты Арх. эксп., т. II, № 49. — Доп. к Акт. ист., т. I, № 117 и 119; т. III, № 44.

⁷ Акты Арх. эксп., т. I, № 5, 15 и 17; т. II, № 16; т. III, №№ 84, 89 и 114. — Акты ист., т. I, № 155; т. II, № 166; т. III, №№ 76, 79 и др.

⁸ „Судейки“ — Котошихин, ук. соч., гл. XI, ст. 1.

⁹ Уложение, гл. XIII, ст. 3.

¹⁰ Акты Арх. эксп., т. III, № 255. — Доп. к Акт. ист., т. III, №№ 18, 19, 20, 65 и 67; т. IV, № 134; т. V, № 84. — Акты юрид., № 25 и 26. — Акты ист., т. III, № 202. — Акты, относ. до юрид. быта, т. I, № 58. — Полн. собр. зак., № 2139.

¹¹ Акты Арх. эксп., т. III, № 171.

¹² Уложение, гл. XXI, ст. 3.

но по приказанию воеводы. В случаях бесчестья, побоев, воровства или убийства пострадавший приносил жалобу в „приказную избу“ и воевода приказывал затем „губным старостам“ и „целовальникам“ произвести расследование по этому делу.¹ Воеводе подчинялись также судьи первой инстанции: „городничие“, „стрелецкие головы“, „сборщики“, „слободчики“ и „приказчики“.

Мы решительно отклоняем предположение, что „град“ в повести есть сама Москва, так как такое допущение не только не имеет каких-либо подтверждений, но и прямо противоречит свидетельствам текста, которые прямо указывают на местный суд в первой инстанции — „городовом приказе“.

В повести „судья“ Шемяка судит в „городе“ и в „приказе“ — отсюда возможен только один вывод, что „Шемякин суд“ рисует „городовой суд“ XVII в. (см. выше). Так как „городовой суд“ в „приказах“ („приказных избах“) XVII в. принадлежал воеводам, то автор повести может изображать только приказно-воеводское судопроизводство. Мы считаем поэтому, что „судья“ Шемяка в повести — или сам воевода, или дьяк приказной избы.

„Принес же брат его челобитную на него исковую в лошеди и нача на него бити челом судии Шемяке. Выслушав же, Шемяка, челобитную, глаголе убогому отвечаи!“

Автор повести здесь точно воспроизводит судоговорение в гражданском суде XVII в.

Во многих частях гражданского процесса судопроизводство долго сохраняло свой древний устный характер. В то время, когда решение суда уже облекалось в письменную форму „правой“ или „бессудной“ грамоты, „челобитья“ попрежнему представляли устную жалобу, которую приносил истец „перед судьей“. Так, в „Судном списке“ 1503 г. судебное разбирательство начинается следующим образом: „Тако рек Оброско (истец): жалоба ми, господине, на того Овсяника, живет, господине...“²

Письменную „челобитную“ мы находим не ранее конца XVI в.: „подал судьям жалобницу, а в жалобнице пишет“.³ Только к началу XVII в. „челобитные“ постепенно приобрели свою традиционную форму: в них стали указывать имена и звания истца, ответчика и поверенных, обозначать цену иска, существо дела и самой просьбы. Обычай указывать цену иска в „челобитных“ как в устных, так и в письменных, появляется в середине XVI в.: „отнял, господине, у меня невода, да две лодки...“

¹ Акты, относ. до юрид. быта древн. Росс., т. I, №№ 55, 78, 87 и 102.

² Акты юрид., № 9; там же Правые грамоты, 1—23 — выражение „там рек“, „так ркли“.

³ Акты юрид., № 23, 1575 г.; см. также № 32, 1593 г.

а цена, господине, двум неводам, да двум лодкам полтора рубля“ (Правая грамота 1530 г.).¹

Уложение 1649 г. во всех случаях имеет в виду только письменные, а не устные „исковые челобитные“.² Уложение рассматривает обозначение цены иска как необходимую принадлежность „исковой челобитной“: ответчик мог даже не отвечать на „челобитную“, в которой не была указана цена иска.³

Судебное разбирательство в XVII в. начиналось с чтения „челобитной“, которая „вычитывалась ответчику“⁴ по приказанию судьи. Выслушав истца, судья в присутствии тяжущихся обращался к ответчику со словами: „отвечай!“. Термин „ответчик“, повидямому, и происходит от этого судейского обращения к одной из сторон суда („отвещай!“ — в повести). Ответчик, в свою очередь, возражал на „челобитную“ истца и также устно приводил свои доказательства. Таким образом, судоговорение представляло словесный спор истца и ответчика, который иногда подкреплялся доказательствами.⁵ Приведение доказательств на суде в XVII в. называлось „ссылкою“.⁶

Все доказательства и возражения истцов и ответчиков как устные, так и письменные, а также и речи судьи записывались приказными подъячими: „А судные дела в приказах записывати подъячим... А как суд отойдет, и истцу и ответчику к тем запискам прикладывати руки...“.⁷ На основании такой „записки“ „истцовых и ответчиковых речей“ подъячий составлял краткую выписку, которая называлась „судным списком“. Дьяк сверял затем „судный список“ с „запискою судного дела“ и скреплял своей подписью.⁸ На основании „судного списка“ судьи делали „вершенья“, т. е. выносили приговор по спорному делу. Приговор затем устно объявлялся тяжущимся — „сказывали приговор“.⁹

Гражданское судопроизводство в XVII в. отличалось крайним формализмом. Так, например, истца обвиняли „ростискою“ без суда в том случае, если иск, написанный им в „исковой челобитной“, был больше или меньше того же иска, указанного в „приставной памяти“.¹⁰

Итак, обращение Шемяки к „убоному“ — „Отвещай!“ было в XVI—XVII вв. обязательной словесной формулой, которая означала, что судья разрешает говорить и „ответчику“. Упоминаемая „Шемякиным судом“

¹ Акты юрид., № 18; см. там же, № 19.

² Уложение, гл. X, ст. 20, 21, 101, 102, 108 и 111; гл. XXIV, ст. 2; — Котошихин, О России..., гл. VII, ст. 42.

³ Уложение, гл. X, ст. 102.

⁴ Котошихин, ук. соч., гл. VII, ст. 42.

⁵ Акты юрид. Правые грамоты.

⁶ Уложение, гл. X, ст. 22, 168—171 и 178.

⁷ Там же, ст. 11.

⁸ Котошихин, ук. соч., гл. VII, ст. 42.— Уложение, гл. X, ст. 11, 22.

⁹ Уложение, гл. X, ст. 11³.

¹⁰ Там же, ст. 104.

„исксовая челобитная“ была письменным документом, характерным для гражданского судопроизводства только в XVII в.

„После же суда изыдоша исцы со ответчиком...“

Юридические документы XV и XVI вв. не имеют еще установившейся терминологии для названия тяжущихся сторон на суде. В некоторых документах „истцами“ называются вообще все тяжущиеся, в том числе и ответчики.¹ Псковская судная грамота называет также всех тяжущихся собирательным именем „сутяжников“. Иногда документы разделяют тяжущихся на „ищею“ и „ответчика“.² В Судебнике 1550 г. встречаются разнообразные названия тяжущихся сторон: „жалобник“, „истец“, „ответчик“. Термин „истец“ в значении обвиняющей стороны приобретает широкое распространение не ранее конца XVI в. Уложение 1649 г. везде употребляет только термины „истец“ и „ответчик“ в их современном значении.

Автор повести употребляет также термины „истец“ и „ответчик“ именно в тех значениях, которые известны только по документам XVII в.

„И потом нача другой суд быти:... и потом нача трети суд быти“

Слово „суд“ в XVII в. никогда не имело значения „присутственного места“, с которым оно употреблялось в русском языке в XVIII и XIX вв.: „а будет... пришед в который приказ к суду“.³ Слово „суд“ в документах XVII в. имело значение специального термина, означавшего гражданское обвинительное судопроизводство (*processus accusatorius*).

„Суд“ в XVII в. был одной из форм судопроизводства, которая представляла собой юридический спор истца и ответчика в присутствии судьи. Роль судьи на „суде“ сводилась только к тому, что он разрешал или прекращал спор тяжущихся, не прибегая сам к специальному исследованию обстоятельств дела. Поэтому такая форма процесса и называется „обвинительной“, в отличие от „следственной“, когда „судья“, кроме судебного разбирательства, пользовался „пыткой“ и „обыском“ для установления виновности подсудимого.

Обвинительный процесс применялся в XVII в. при решении разнообразных тяжб, которые имели своим предметом гражданские иски. Иски в „брани“, „бесчестьи“, „бое“, „увечьи и ранах“, „грабеже“, „поджоге“, „насильстве“, „разореньи“ и вообще в „обидах и убытках“ также под-

¹ Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, Правая грамота — Акты юрид., № 11.

² Акты юрид., №№ 5 и 13.

³ Уложение, гл. X, ст. 106; см. также гл. X, ст. 109.

лежали „судебной“ форме судопроизводства.¹ Наконец, убийство без „поличного“, „язычной молки“ или „лихованного обыска“ судилось не „розыском“, а „судом“.²

Следственный процесс, применявшийся в XVII в. для уголовных дел, носил специальное название „розыска“. Наиболее важными доказательствами при „розыске“ считались „признание“ обвиняемого и „повальный обыск“. Признания „подсудимого“ судьи добивались обычно „под пыткой“ и в этом основное отличие следственного процесса от обвинительного, ибо в последнем ответчик признавался добровольно.

Пытка считалась настолько важной частью следственного процесса, что слово „пытать“ противопоставляется в документах термину „суд“: „а приведут кого с поличным впервые, ино его судити да послати про него обыскати. И назовут его в обыску лихим человеком, ино его пытати... А скажут в обыску, что он добрый человек, ино дело вершити по суду“.³ Применение „пытки“ было решающим признаком, который разграничивал следственное и обвинительное судопроизводство: „на которых людей истцы бьют челом в татьбах и разбоях, без поличного и без язычной молки, и не по лихованным обыском, и тех челобитчиков отсылати в Судный приказ; а будет в Судном приказе сыщется, что те дела разбойные дошли до пыток, и тех истцов и ответчиков из Судного приказа отсылать в Разбойный приказ“.⁴ Пытка применялась даже и в тех случаях, когда подсудимый добровольно сознавался в своем преступлении.

История судопроизводства XVII в. характеризуется развитием следственных форм, которые постепенно вытесняли в уголовных и большинстве гражданских дел обвинительный процесс. Так, например, „сыск“ и „очные ставки“ в эпоху Уложения применяются в „поместных делах“ и делах о „беглых холопах“, хотя раньше эти тяжбы судились только „судом“. Но такое распространение следственного судопроизводства на гражданские иски стало, наконец, недопустимым с правительственной точки зрения, так как при „розыске“ казна никогда не собирала столько пошлин, как это удавалось ей на суде. Эти убытки „государевой казны“ заставили законодательство в 80-х годах XVII в. восстановить опять „суд“ во многих из тех дел, которые до того разбирались „розыском“.

В 1683 г. „именным указом“ от 3 мая „очные ставки“ были отменены во всех гражданских делах: „во всех делах... и в Поместном приказе велено... давать суд... чтобы пошлинные деньги не пропадали, а ист-

¹ Уложение, гл. IX, ст. 3; гл. X, ст. 29, 30, 31, 85 и др.; гл. XXII, ст. 11, 17; гл. X, ст. 134, 136, 142, 186; гл. XX, ст. 4, 65; гл. XVIII, ст. 39; гл. VII, ст. 6, 30; гл. X, ст. 207, 203, 210; гл. IX, ст. 12, 13.

² Там же, гл. VII, ст. 30; гл. X, ст. 133; гл. XXII, ст. 17.

³ Судебник 1550 г., ст. 52.

⁴ Уставная книга Разбойного приказа, ст. 18.

цам не повадно было затевать и неправдою исков своих лишку приписывать“.¹

Рассмотренное нами выше судоговорение в повести указывает, что автор „Шемякина суда“, действительно, изображает состязательный процесс, лишенный каких-либо форм „розыска“, т. е. инквизиционного, следственного судопроизводства. Применение в повести „суда“ вместо „розыска“ в разбирательстве уголовных преступлений „убогого“ указывает на судебную практику второй половины XVII в.

„И потом нача други суд быти; поп ста искати смерти сына своего, ... глагола попу судия:... и ты де отдай ему свою жену попадию...“

По этому приговору „поп“ страдал не только как оскорбленный муж. но и как священник, который лишился своего „места“ (т. е. прихода). По церковным правилам XVI и первой половины XVII в. безбрачие и второбрачие духовенства одинаково преграждали доступ к священству. Строгость в выполнении этого правила доходила до того, что овдовевший священник или диакон должен был постригаться в монахи, иначе ему запрещалось священнослужение.

Тяжба „попа“ с „земледельцем“ — „убогим братом“ у „судьи“ Шемяки любопытна также с точки зрения подсудности по законодательству XVII в. Духовенство было не подсудно светскому суду, за исключением тех дел, когда духовное лицо выступало истцом против ответчика-мирянина. В этом последнем случае духовное лицо судилось в судебной инстанции своего ответчика. Такой судебной инстанцией в „городе“ для попа и крестьянина мог быть только воеводский суд. Таким образом, сам факт подсудности „попа“ „суду“ Шемяки дает новое дополнительное свидетельство в пользу нашего мнения о воеводском суде в повести.

„Судия ж... глагола брату ево: Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не замай до тех мест у лошеди выростет хвост...“
 „...глагола попу судия: Коли де у тебя ушибь сына, и ты де отдай ему свою жену попадию до тех мест, покамест у попадьи твоей он добудет ребенка тебе“.
 „Судия... глагола ему, у кого убит отец: Взыди ты на мост, а убивы отца твоего станет под мостом, и ты с мосту вержися сам на него—такожде убий его, яко же он отца твоего“

Необычайные приговоры судьи Шемяки всегда привлекали внимание исследователей повести своей „затейливостью“ и анекдотичностью. Наказание в повести, действительно, является пародией на буквальное

¹ Полн. собр. зак., № 1022.

понимание возмездия в смысле моисеевых „око за око, зуб за зуб“. Однако пародийная форма судебных приговоров отнюдь не служит еще подтверждением того известного мнения, что „Шемякин суд“ является только бродячим литературным анекдотом. Приговоры Шемяки, при всей их сказочности и пародийности, для XVII в. не были только забавной выдумкой, они в то же время явственно намекали читателю той поры на реальную судебную практику.

Мы имеем здесь в виду прежде всего материальный тальон, который, судя по Уложению 1649 г., еще существовал в уголовном праве XVII в. Но еще более важным фактом для юридического истолкования приговоров Шемяки является необычайное распространение неопределенных санкций наряду с множественностью наказаний за одно и то же преступление в законодательстве XVII в.

Казуистические приговоры Шемяки во многом могут быть объяснены множеством неопределенных санкций, которые предусматривало законодательство XVII в. за различные преступления. Закон очень часто указывает только один род наказания, но совершенно не предусматривает размеров последнего.

Так, во многих статьях Уложения 1649 г. имеется только неопределенная санкция: „взять пеню, что государь укажет“; „учинить жестокое наказание, что государь укажет“; „наказание, смотря по вине“; „быть в опале и в казни“.¹

Отдельные указы и грамоты XVII в. только разнообразят эти грозные, но совершенно неопределенные формулы, под которые можно было подвести любые наказания: „от великого государя быть в великой опале и в торговой казни без всякие пощады“; „быть в великой опале и в жестоком наказанье, и во всяком вечном разоренье, без всякие пощады“; „быть от великого государя в наказаньи и в казни, и в разоренье“; „в жестоком наказаньи и во всяком разореньи“² или: „в великой опале и в наказаньи, и в казни“; „быть в жестоком наказании под смертною и непрощаемою казнию...“³ и т. д.

¹ Уложение, гл. I, ст. 9; гл. II, ст. 22; гл. III, ст. 8; гл. VI, ст. 2; гл. VII, ст. 6, 7, 11, 12, 24, 30 и 32; гл. X, ст. 8, 9, 10, 15, 24, 90, 106, 140, 148, 161, 186—188, 198, 222, 233, 251, 268; гл. XV, ст. 5; гл. XVI, ст. 43, 45, 66; гл. XIX, ст. 13, 15, 40; гл. XX, ст. 28, 113; гл. XXI, ст. 42—44, 71, 86; гл. XXV, ст. 2, 6.

² Акты Арх. эксп., т. IV, № 126, стр. 170; Окружная грамота 1661 г.; Акты, относ. до юрид. быта, т. II, № 230, стр. 695—696, „память“ 1668 г.; Полн. собр. зак., № 467, указ 1670 г., апреля 17 о мерах предосторожности от огня; № 600 и 603, наказы объезжим, 1675 г., апреля 14 и мая 24; № 821, указ 1680 г. о мерах предосторожности от огня; Собр. гос. грам. и догов., т. IV, № 19, стр. 72—73, наказ о розыскании серебряной руды 1661 г.

³ Акты ист., т. II, № 349, I и II, стр. 416 и 417, наказная смоленским посадским старостам 1608 г.; Доп. к Акт. ист., т. VI, № 120, стр. 166, грамота Каширскому воеводе 1674 г.; Акты Арх. эксп., т. IV, № 92, стр. 132, наказ сотскому Кашинского уезда 1656 г.

Но в то же время право XVII в. употребляет очень часто такие определенные санкции, которые на практике имели значение только общей угрозы. Так, например, санкцию „смертная казнь“ предусматривают 60 статей Уложения 1649 г. и еще большее число отдельных указов. Смертная казнь предусматривается в таких случаях, когда на практике она почти никогда не применялась. Так, например, в 1658 г. была определена смертная казнь на тот случай, если крестьяне дворцовых волостей будут жениться и выходить замуж за тех, кто не приписан к дворцовым волостям.¹ Не менее сомнительной кажется и угроза наказа 1697 г., где объявляется „указ с великим подкреплением под смертную казнь, чтобы кореня ревеню не покупали и не привозили“.²

Отсюда ясно, что если само законодательство очень часто не устанавливало не только размер, но даже и род наказания за каждое конкретное преступление, то приказные судьи по необходимости вынуждены были изощряться в казуистических решениях при разбирательстве спорных дел. „В судах в законы играют, как в карты, требуя указа на указ, чтоб удобнее было в мутной воде рыбу ловить“, — писал Петр I в одном из своих указов конца XVII в.

Неопределенность санкций в законодательстве на практике приводила к неизбежному произволу и казуистическому формализму в приказном судопроизводстве. Насколько велика была здесь изобретательность „приказных людей“ в сочинении казуистических решений, показывают „пометы“ (т. е. резолюции) на „челобитных“, которые делались в „Челобитном приказе“: „будет так, как бьет челом — учинить указ по государеву указу“; „будет так, как бьет челом — дать грамоту к воеводе“; „будет иным таким давано, ино и ему дать“. Наконец, если мы рассмотрим преступления „убогого“ с точки зрения гражданского и уголовного права XVII в., то и здесь приговоры Шемяки, наряду со сказочной фантастикой, содержат много реальных черт.

По „исковой челобитной в лошади“ судья мог бы „доправить“ „иск“ на ответчике, т. е. заставить „убогого“ возместить убытки за „испорченную“ лошадь: „А чему в исковых челобитных цены будет не написано, и тому цена положить по сему указу. Конь восм рублей. Кобыла ногайская шесть рублей. Жеребенок ногайский три рубли, мерин четыре рубли...“.³

Но два других преступления „убогого“ по законам XVI и XVII вв. вообще не могли считаться наказуемыми, так как оба убийства были совершены без умысла. Уголовное право XVII в. уже различало три вида убийства: 1) „учиненное умышлением“, за которое полагалась смертная казнь; 2) убийство, „учиненное в драке“, „пьяным делом“, за которое убийцу, „бив кнутом“, „дати на чистую поруку с записью“, и,

¹ Акты Арх. эксп., т. IV, № 101, стр. 142, окружная грамота в Углич 1658 г.

² Полн. собр. зак., № 1594, наказ Тобольскому воеводе 1697 г.

³ Уложение, гл. XXIV, ст. 2.

наконец, 3) убийство „грешным делом“, без умысла или при самообороне, которое вообще не наказывалось.

„Будет кто стреляючи из пищали, или из лука по зверю, или по птице, или по примете, и стрела, или пулька всплвет и убьет кого за горою, или за городьбою, или кто каким-нибудь обычаем кого убьет до смерти деревом, или камнем, или чем-нибудь ненарочным же делом, а недружбы и некакия вражды наперед того, у того, кто убьет, с тем, кого убьет, не бывало, и сыщется про то допряма, что такое убивство учинилось не нарочно без умышления: и за такое никого смертию не казнить, и в тюрьму не сажать, по тому, что такое дело учинится грешным делом без умышления“.¹

Таким образом, судья Шемяка на законных основаниях должен был оправдать „убогого“, т. е. отказать всем трем истцам в исках, и он в повести так и поступил, хотя приговор свой облек в казуистическую форму: формально он обвинил „убогого“, но тальонная форма наказания заставила истцов немедленно мириться с ответчиком.

С формальной точки зрения Шемяка судил законно и не сделал каких-либо нарушений процессуальных норм XVII в. Ответчик в повести во всех трех случаях отвечал молчанием на вопросы судьи, и он тем самым уже проигрывал дело без суда.² По указанной статье Уложения Шемяка вполне справедливо признал „убогого“ виновным и „удовлетворил“ иски истцам, хотя и в самой странной форме.

Итак, сказочные по своему происхождению приговоры Шемяки служат для автора повести формой для сатирического обличения корыстного крючкотворства и казуистического формализма приказно-воеводского суда XVII в.

„Судия ж высла человека к ответчику и веле у него показанные три узлы взять...“

Приказной обычай брать „посулы“ не собственноручно, а через подставных людей был широко распространен в XVII в. „Человек“, который принимал „посулы“ для судьи именно так, как это происходит в повести, упоминается даже в законодательстве XVII в.: „А будет кто учнет бити челом на судью, что он обвинял его не делом по посулом, а взял де от того неправого дела на судью посул брат его, или сын, или племянник, или человек...“³

Число исторических документов XVI и XVII вв., в которых содержатся известия о взяточничестве и продажности судей, необычайно

¹ Новоуказные статьи о татейных, разбойных и убийственных делах 1669 года, генваря 22, ст. 106: Полн. собр. зак., № 441; См. также: Уложение, гл. X, ст. 107 и 200, Новоуказные статьи, ст. 85; Акты юрид., № 270; Акты ист., т. I, № 105, 153, ст. 59 и 61. № 167; Акты Арх. эксп., т. I, №№ 123, 150 и 240.

² Уложение, гл. X, ст. 101.

³ Там же, ст. 7.

велико. В Судебнике 1497 г. уже находим такое предписание: „прокликать по торгам на Москве и во всех городах Московския земли и Новгородские земли, по всем волостям заповедати, чтобы ищя и ответчик судиям и приставам посула не сулили в суду“.¹ В Судебнике 1550 г. взяточничество впервые квалифицируется как преступление в собственном смысле. Бояре, дьяки и подьячие, обвиненные в „посулах“, присуждались по этому Судебнику к денежному взысканию, тюрьме, торговой казни и наказанию кнутом.

„А будет которой боярин, или окольник, или думной человек, или дьяк, или иной какой судья, истца или ответчика посулом или по дружбе, или по недружбе правого обвинит, а виноватого оправит, а сыщется про то допряма: и на тех судьях взяти истцов иск втрое, да и пошрины и пересуд и правой десяток взяти на государя на них же, да за ту же вину у боярина, и у окольника, и у думного человека отняти честь. А будет которой судья такую неправду учинить не из думных людей: и тем учинити торговая казнь, и вперед им у дела не быти“, — предписывает и Уложение 1649 г.² Но все эти попытки законодательства заставить, наконец, бояр, дьяков и подьячих „судить беспосульно и безволокитно“ оставались безуспешными, ибо взяточничество в XVII в. достигло невероятных размеров. Многие „челобитные“ XVI в. сравнивали поборы „кормленщиков“ с „насильством“, которое бывает от „лихих людей, татей и разбойников“. „Кормленщики“ „многие грады и волости пусты учинили“, читаем мы в таких челобитных. Максим Грек говорит о „иудейском сребролюбии слуг царя“, а Крижанич с горечью восклицает: „ради тако неправедных судов бог неустано казнит русский народ: и не отходит бич божий от наших хребтов“.³ Потрясающую картину воеводских бесчинств нарисовал и протопоп Аввакум в своей „записке“ о злоупотреблениях воеводы Афанасия Пашкова.⁴

Даже само правительство иногда вынуждено было признать, что „посулы“ и „насильства“ местных властей угрожают государственным интересам: „а то нам подлинно ведомо, что ногайские мурзы от нашей милости отступили от вашего и иных наших воевод насильства и гонения“, — читаем мы в царской грамоте астраханским воеводам 1634 г., посланной по поводу перекочевки ногайских улусов из русских земель в Крымские степи.⁵

Многочисленные документы свидетельствуют, что каждая справка, подпись, „помета“, „печать“, едва ли не каждый шаг тяжущихся на суде —

¹ Судебник 1497 г., гл. „О посулах и послушестве“.

² Уложение, гл. X, ст. 5; см. также: Уложение, гл. X, ст. 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 15 и 16; гл. VII, ст. 3, 6, 11; Полн. собр. зак., № 123, Указ именной, сказанный перед Разрядом князю Александру Кропоткину и дьяку Ивану Семенову о наказании их за посулы.

³ Крижанич. Разговоры об владетьстве, т. I, стр. 294.

⁴ Материалы для истории раскола, т. V, стр. 133—136.

⁵ Русск. ист. библ., т. II, № 163, стр. 570.

все требовало „посулы“ и „подарка“. В „Записи расходов Хлыновского причта по спорному делу о пожне Покровской церкви“ 1684 г. имеется редкий по своей обстоятельности перечень множества взяток, которые пришлось платить Хлыновскому причту; здесь мы встречаем даже такую удивительную взятку: „Подъячего Герасима Шмелева родителей записали в Синодик за 8 гривен“.¹ В другой такой же „росписи“ „челобитчик“ упоминает, что, кроме подарков самому воеводе и его дьяку, он „людям его дал две деньги, малым ребятам два алтына“. Даже московские „бояре“ и „думные дьяки“, вроде известного Емельяна Игнатьевича Украинцева, не брезговали брать посулы „солеными рыжиками“.² „Подарки“ и „посулы“ необходимы были не только в судебных тяжбах, но даже и при выплате жалования „служилым людям“.³ До какой степени взятки в XVII в. были обычным явлением, показывает заслуживающий полного доверия рассказ Татищева об одном „честном“ воеводе: царь Алексей Михайлович в награду „за службу“ послал одного „служилого дворянина“ воеводой в маленький город для того, чтобы тот „нажил“ 500—600 рублей и затем купил себе деревню. Когда окончился срок воеводства, „дворянин“ „бил челом“ царю, что он „нажил“ всего только 400 рублей. Царь даже послал дьяков проверить на месте, и оказалось, что „честный“ воевода „нажил“, действительно, всего только 400 рублей. Этот „дворянин“ ни у кого не вымогал насильно „подарков“ и „посулов“, а довольствовался только тем, что ему добровольно приносили сами „челобитчики“ „в почесть“. Узнав об этом, удивленный Алексей Михайлович дал „доброму человеку“ другой „прожиточный“ город.

Но как ни привыкли „приказные люди“ брать „посулы“, однако боязнь наказания „кнутом“ все же заставляла их прибегать к разным уловкам, которые спасли бы их от „огласки“: „наказания не страшатся (судьи, — И. Л.), от прелести очей своих и мысли содержати не могут, и руки свои ко взятию скоро допущают, хотя не сами собою, однако по задней лестнице чрез жену или дочь, или чрез сына или брата, не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и не ведают“, — говорит Котошихин.⁴ Коллинз рассказывает, что царь Иван Васильевич казнил одного дьяка за то, что он принял „посул“ в виде жареного гуся, начиненного деньгами. Иногда изошренные „челобитчики“, входя к судье, „привешивали“ подарки к „образам“ „будто бы на свечи“. Наконец, даже закон вынужден был признать эти укоренившиеся обычаи,

¹ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Приложение ко 2-му тому сборника „Столетие Вятской губернии“, изд. Вятск. статист. комит., Вятка, 1881, № 154, стр. 219.

² Сборник князя Хилкова. СПб., 1879, № 102, стр. 325—349. Письма „доверенных калужан“ земскому старосте 1690—1691 года.

³ Доп. к Акт. ист., т. III, № 36, стр. 119; Акты Приказа Новгородской четверти 1647 и 1648 гг.

⁴ Котошихин, ук. соч., гл. VII, стр. 28.

и на Святой неделе судьям разрешено было принимать от „челобитчиков“ подарки не только красными яйцами, но и деньгами от 1 до 12 рублей.¹

Угроза „убогого“ отомстить „судье“ Шемяке „камнем“, при всей своей анекдотичности, не менее характерна для нравов XVII в., чем „посулы“. Уложение не только требует от тяжущихся, „став перед судьями искать и отвечать вежливо и смиренно и не шумко, и перед судьями никаких невежливых слов не говорить и меж себя не браниться“,² но даже предусматривает наказание за убийство судьи на суде: „А будет кто судью чем зашибет или ранит: и его за то казнити, отсеки рука, да на нем же велеть судье за раны и за безчестие доправити вдвое. А будет кто судью в приказе, или где ни буди убьет до смерти: и того убойду самого казнити смертию же, да из тех же его животов взяти убитого кабальные долги“.³

Вся повесть „Шемякин суд“ рисует в пародийной форме яркую сатирическую картину взяточничества и продажности приказного суда XVII в.

Заканчивая анализ исторических реалий повести, с одной стороны, и многочисленных соответствий свидетельствам повести в документах XVI и XVII вв. — с другой, мы в праве сделать следующие выводы.

1. Юридическая терминология повести о суде Шемяки указывает, что автор повести имеет в виду приказно-воеводский суд, ибо „судья“ Шемяка „судит“ в „приказе“ и в „городе“, а не в Москве. Отсюда представляется возможным датировать „Шемякин суд“ как повесть, которая могла быть написана не ранее 60-х годов XVII в., так как воеводский суд в „приказных избах“ известен только во второй половине XVII в.

2. Если Шемяка в повести — воевода или дьяк „приказной избы“, то отсюда становится ясным и адресат сатиры „Шемякина суда“: повесть обличает не „кривосуд“, заимствованный из семитических легенд, как это думали прежние исследователи, а продажность и корыстное крючкотворство приказно-воеводского суда в России XVII в. Пародийно-сатирическое изображение воеводского „правосудия“ составляет наиболее характерную особенность „Шемякина суда“ как оригинального произведения русской литературы XVII в.

3. Все сказанное выше дает нам основание отрицательно разрешить проблему гипотетического польского оригинала „Шемякина суда“: описание гражданского обвинительного процесса — „суда“ — в повести настолько точно и исторически достоверно, что оно могло быть написано только русским автором второй половины XVII в.

¹ Adam Olearius. Ausführliche Beschreibung..., 229; S. Collins. The present State of Russia in a letter; русск. перевод: Русский вестник, 1811, кн. 7, стр. 177—179.

² Уложение, гл. X, ст. 105.

³ Там же, ст. 106.

II

Имя судьи в повести „Шемякин суд“ привлекает внимание исследователей уже более столетия.

Еще в 1816 г. Н. М. Карамзин в „Истории государства Российского“ первым высказал мнение, что пословица о Шемякином суде возникла в память о вероломных поступках галицкого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки: „Не имея ни совести, ни правил чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка в краткое время своего владычества усилил привязанность москвитян к Василию, и в самых гражданских делах попираля ногами справедливость, древние уставы, здравый смысл, оставил память своих беззаконий в народной пословице о суде Шемякине, до ныне употребительной“.¹ В подтверждение своей мысли Карамзин привел свидетельство Хронографа, на которое впоследствии ссылались исследователи повести: „В Хронографе: от сего убо времени в Велицей России на всякого судью и восхитника во укоризнах прозвася Шемякин суд“.²

Позднейшие исследователи повести единодушно следовали за Карамзиным и рассматривали эту цитату из Хронографа как неоспоримое доказательство тождества имени героя повести с личностью галицкого князя XV в. Научная критика исторических источников о Шемякиной смуте XV в. у многих исследователей XIX в. часто заменялась моральными обличениями, направленными против Д. Ю. Шемяки, этого „мелодраматического злодея“ среди удельных князей.

Примером такого морально-дидактического истолкования повести „Шемякин суд“ может служить „Предисловие“ П. Свиньина к его одноименному роману: „Эпизод сей и с других сторон исполнен романтизма и интереса. ... характер Шемяки, который есть идеал непостоянства, вероломства, жестокости и сластолюбия, соединение низких страстей — корыстолюбия, расточительности и разврата, и возвышенных доблестей — мужества и предприимчивости. Злодейский его поступок с Васильем, облеченный в форму законного приговора, вместе с бесчисленным множеством вопиющих несправедливостей, насилий и хищничества, также прикрытых личиною правосудия, — оставили навеки поговорку о суде Шемякином“.³

Оригинальное толкование имени „Шемяка“ в повести дал в 1833 г. Н. Полевой в своей „Истории русского народа“. Полемизируя с общей исторической концепцией Карамзина, Полевой справедливо указывал, что „знаменитый историограф“ в своей оценке деятельности Д. Ю. Шемяки слишком доверял летописным источникам, между тем как послед-

¹ История Государства Российского, т. V, стр. 311.

² Там же, стр. 545, примеч. 338.

³ Шемякин суд, или последнее междоусобие удельных князей русских. Исторический роман XV столетия. Сочинение Павла Свиньина, ч. I, М., 1833, стр. III.

ние были написаны политическими противниками этого князя. „Шемяка, — по словам Полевого, — хогел добра, мирился искренно — увидим это из последствий, а из дел узнаем характер сего князя, храброго, доброго, пылкого, готового на зло только в минуту гнева, но всегда способного загладить потом свое преступление раскаянием, охотно прощавшего обиду и доверчивого до легкомысленности“.¹ Оправдывая таким образом Д. Ю. Шемяку от обвинений Карамзина. Полевой возражал также и против приурочивания повести „Шемякин суд“ к имени галицкого князя XV в.²

По мнению Полевого, сатира повести не могла иметь своим адресатом Д. Ю. Шемяку, уже потому, что сама сказка о Шемякином суде, как свидетельствует Толстовский список, была переведена с польского языка. Второе доказательство необоснованности мнения Карамзина Полевой видит в том, что имя Шемяка носил не один только Дмитрий Юрьевич, но и некоторые другие исторические лица, например князь Пронский и князь Голибесовский, к которым, следовательно, также могла относиться сатира повести.

А. Н. Пыпин в своем исследовании „Шемякин суд“³ признал приведенные выше доводы Полевого „весьма недостаточными“ и со своей стороны в защиту мнения Карамзина привел сомнительную цитату из книги Каменевича-Рвовского, где Шемякин суд также приурочивается ко временам великого князя Василия Васильевича. По мнению Пыпина, сходство сюжета „Шемякина суда“ с тибетским сказанием из Дзанглуна должно убедить нас в том, что русская повесть в момент своего возникновения не была сатирой на какое-либо определенное лицо и только впоследствии этот старинный „народный рассказ“ примкнул к исторической личности Д. Ю. Шемяки.

Позднейшие исследователи Ф. И. Буслаев,⁴ И. М. Снегирев,⁵ С. П. Шевырев,⁶ А. Н. Афанасьев,⁷ М. И. Сухомлинов,⁸ Ф. Булгаков,⁹

¹ Н. А. Полевой. История русского народа, г. V. М., 1833, стр. 320.

² Там же, стр. 372, примеч. 353.

³ А. Н. Пыпин. Шемякин суд. Архив Калачова, 1859, кн. 4, отд. V, стр. 5. — Он же. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, стр. 500.

⁴ Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 144б.

⁵ И. М. Снегирев. Лубочные картинки русского народа в Московском мире. М., 1861, стр. 59.

⁶ С. П. Шевырев. История русской словесности, ч. IV. Изд. 1-е, СПб., 1837, стр. 71—72.

⁷ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. IV. Изд. 4-е, 1913, стр. 244

⁸ М. И. Сухомлинов. Повесть о суде Шемяки. Изд. 2-е, Сб. ОРЯС АН, г. 85, 1908, стр. 66б.

⁹ Ф. Булгаков. Повесть о суде Шемяки. ОЛДП, XXVIII, 1879, стр. 7. — Он же. Пам. древн. письменн. ОЛДП, Отчеты, вып. II, СПб., 1830, стр. 27.

Д. А. Ровинский,¹ В. Неринг,² А. Шифнер,³ И. Я. Порфирьев,⁴ С. Бейлин,⁵ Е. В. Петухов⁶ и М. Н. Сперанский⁷— все, следуя за Пыпиным, видели в имени Шемяки намек на галицкого князя XV в., воспоминание о котором явилось наслоением на традиционный сюжет повести.

Насколько велика была уверенность исследователей в том, что судья Шемяка и Д. Ю. Шемяка одно и то же лицо, свидетельствуют мнения С. П. Шевырева и И. Я. Порфирьева, из которых первый в 1860 г. считал повесть о Шемякином суде памятником XV в., а второй называл „судом Шемяки“ ослепление Василия Васильевича Темного.⁸

А. И. Соболевский⁹ был единственным исследователем, для которого имя Шемяки в повести представлялось только внешним совпадением, лишенным какой-либо исторической связи с Д. Ю. Шемякой. К сожалению, А. И. Соболевский ограничился только краткими замечаниями, помещенными в учебной литературе, и не привел никаких доказательств в подтверждение своей точки зрения на судью Шемяку.

История изучения „Шемякина суда“ убеждает нас в том, что многие исследователи повести склонны были доверять авторитету „Истории государства Российского“ более, чем подлинным свидетельствам исторических источников. Примером такого сознательного забвения исторических фактов может служить ошибка Ф. Булгакова, по словам которого приурочивание „приговоров“ к имени Шемяки основано будто бы на том, что галицкий князь Дмитрий Юрьевич, лишив зрения Василия Васильевича, отомстил этим за свое (!) ослепление, хотя давно известно, что не Шемяка, а его брат Василий Косой был ослеплен великим князем.¹⁰

Исторические известия убедительно свидетельствуют, что имя „Шемяка“ не было случайным прозвищем одного только галицкого князя Дмитрия Юрьевича, а принадлежит к числу распространенных в XIII—XVII вв. русских имен.

¹ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. IV. СПб., 1831, стр. 175.

² W. Nehring, Archiv für slavische Philologie, B. V, Berlin, 1831, стр. 429.

³ Tibetan Tales. Derived From Indian Sources. Translated from the Tibetan of the Kan-gyur by F. Anton von Schiefner. Trübner's, Oriental Series, London, 1832, p. XLI.

⁴ И. Я. Порфирьев. История русской словесности, ч. I. Казань, 1897, стр. 158.

⁵ С. Бейлин. Странствующие или всемирные повести и сказания в древнерусинской письменности. Иркутск, 1907, стр. 142.

⁶ Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период. Пгр., 1916, стр. 323.

⁷ М. Н. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 430.— Он же. История древней русской литературы. Московский период. М., 1921, стр. 179.

⁸ С. П. Шевырев, ук. соч., стр. 71.—И. Я. Порфирьев, ук. соч., стр. 158.

⁹ А. И. Соболевский. Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности, сост. Ф. Буслаевым, изд. 13-е, доп. и исправл. А. И. Соболевским, М., 1917, стр. 203. См. также: История русской словесности древней и новой А. Галахова. СПб., 1880, стр. 433.

¹⁰ Ф. Булгаков. Пам. древн. письменн. ОЛДП, Отчеты, вып. II, СПб., 1880, стр. 27.

1. Василий Шемяка, рыльский князь, XIII в. — „Повесть о граде Курске...“, ркп. собр. Уварова, № 117.
2. Дмитрий Юрьевич Шемяка, галицкий князь, зачинатель Шемякиной смуты, умер в 1453 г. — ПСРЛ, т. III, 113 и др.; IV, 122 и др.; V, 267 и др.; Ник., V, 136 и др.; VI, 169 и др.; VIII, 122 и др.; XII, 17 и др.; XVI, 183 и др.; XVIII, 172 и др.; XX, 239 и др.; XXI, 53 и др.; XXII, ч. 2, 431 и др.; XXIII, 147 и др.; XXIV, 184 и др.
См. также: Собр. гос. грам. и догов., №№ 46—48, 49—50, 52—59, 61, 62; Акты Арх. эксп., I, №№ 29, 43, 372; Акты ист., I, №№ 40, 53; Житие Григория Пельшемского. Чет. мин., сентябрь; Житие Маргиниана Белоозерского, ркп. ГПБ, Погодин. № 739; краткое житие Пафнутия Боровского, ркп. Волоколамский сб. № 515, л. 419; Житие Михаила Клопского, ркп. Волоколамская, Троицк. Акад., № 659.
- С уверенностью отметим, что во всех названных летописях, житиях и грамотах, содержащих известия об этом галицком князе, отсутствуют даже самые отдаленные намеки на „суды“ Шемяки.
3. Князь Иван Дмитриевич Шемячич (или Шемякин), сын предыдущего, XV в. — ПСРЛ, т. III, 199; IV, 215—216 и др.
4. Князь Семен Иванович Шемячич, внук Д. Ю. Шемяки, XV в. — Акты, относ. к ист. Южн. и Зап. России, т. II, 123
5. Князь Василий Иванович Шемякин, брат предыдущего, „запазущный враг“ Ивана III, XVI в. — ПСРЛ, т. III, 199; IV, 272; VI, 45, 47, 243 и др.; VII, 228 и др.; VIII, 5, 6 и др.; XII, 252 и др.; Герберштейн, 51.
6. Князь Иван Васильевич Шемячич, сын предыдущего, XVI в. — ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, 575.
7. Князь Дмитрий Данилович Шемяка из рода Гагариных, воевода, XVI в. — ПСРЛ, т. XIII (1), 264; Древн. рос. вивлиофика, XIV, 290; Бархатная книга, ч. 2, 67.
8. Князь Иван Васильевич Шемяка Нелюбов-Пронский, воевода, XVI в. — ПСРЛ, т. VII, 245; XIII (1), 108, 138; Ист. сб., т. II; Разрядная книга П. Ф. Лихачева, 116—117.
9. Князь Юрий Иванович Шемякин-Пронский, известный военачальник Ивана Грозного, отличился при завоевании Казани и Астрахани — ПСРЛ, т. XIII (1), 199, 203—205, 208 и др.; XIII (2), 495 и др.; Древн. рос. вивлиофика, VIII, 4; XIII, 29, 33 и др.; XX, 36.
10. Княгиня Евдокия Ивановна Шемякина-Пронская, жена предыдущего — Акты А. Федотова-Чеховского, I, 223.
11. Князь Иван Иванович Пронский-Шемякин, XVI в. — Древн. рос. вивлиофика, XIII, 36.
12. Князь Александр Андреевич Шемяка, XVI в. — Бархатная книга, ч. 1, 138—149.
13. Князь Иван Федорович Большой Шаховской (Шемякин), воевода, в 1643 г. был судьей в Володимирском судном приказе — Русск. ист. библ., т. IX, 420, 445, 566 и др.; X, 453; Акты Арх. эксп., III, 271, 344 и др.; Портфели Миллера, 130, V.
14. Князь Иван Федорович Меньшой Шаховской (Шемякин) был вторым судьей в приказе Новой чети в 1643 г. и в 1648—1654 гг. был судьей в Разбойном приказе — Акты Арх. эксп., III, 271, 344 и др.; Русск. ист. библ., т. VIII, 952, 955 и др.; X, 402 и др.; XXIV, 486; Доп. к Акт. ист., IV, 126; Акты Моск. гос., II, 280; Дворцовые разряды, II, 708; Столб. Дворц. приказов, 3176, 41750, 42071; Столб. Моск. стола Разряда, 183, 8, 881; Сборник князя Хилкова, 258.
15. Князь Мирон Михайлович Шаховской (Шемякин) в 1617 г. был судьей в Холопьем приказе — Доп. к Акт. ист., IV, 179; Собр. гос. грам. и догов., I, 640; II, 213; Акты Моск. гос., I, 41, 43; Книги разрядные, I, 195, 522 и др.; II, 62; Столб. Дворц. приказов, 42678.
16. Князь Михаил Семенович Шаховской (Шемякин) был первым судьей в Московском судном приказе в 1660 г. и во Владимирском судном приказе вторым судьей в 1661—1666 гг. — Акты ист., IV, 254—273; Доп. к Акт. ист., IV, 134—140 и др.; Собр. гос. грам. и догов., IV, 30, 80 и др.; Русск. ист. библ., X, 117, 140, 145 и др.; Акты Моск. гос., II, 444—445, 454—460 и др.; III, 37—41 и др.; Дворц. разряды, доп. 246—274; Столб. Моск. стола Разряда, 320, 357 и др.

17. Тимофей Шемяка Григорьев сын, XVI в. — Акты А. Федотова-Чеховского, II, 507, 543.
18. Шемяка, дворовый человек, Шелонская пятина, XVI в. — Новгородск. писц. кн., IV, 351.
19. Шемяк, дворовый человек, Шелонская пятина, XVI в. — Новгородск. писц. кн., IV, 423.
20. Василий Шемяка, сын владельца солеварницы, XVI в. — Акты юрид., 158.
21. Шемяка Захарьев сын Бетин, боярский сын, Тверь, XVI в. — Моск. стол, 4, 190—196; Акты Моск. гос., I, 120.
22. Шемяка Сысуев, крестьянин Суздальский уезд, XVI в. — Акты юрид., 92.
23. Шемяка Васильев сын Смолин, крестьянин, Вологодский уезд, XVII в. — Акты юрид., 453.
24. Шемяка Пикин, ратный голова под Смоленском, XVII в. — Акты Моск. гос., I, 120.
25. Василий Шемяков, стрелецкий голова в Брянске, XVII в. — Акты Моск. гос., I, 81.
26. Перша Шемяков, стрелецкий голова в Брянске, XVII в. — Акты Моск. гос., I, 81.
27. Савва Шемяков, стрелецкий голова в Брянске, XVII в. — Акты Моск. гос., I, 81.
23. Алексей Васильев сын Шемяков, помещик, Переяславский уезд, XVII в. — Акты А. Федотова-Чеховского, II, 270, 272.
29. Афанасий Савельев сын Шемяков, помещик, Переяславский уезд, XVII в. — Акты А. Федотова-Чеховского, II, 270, 272
30. Петр Шемяка, стрелецкий голова в Царицыне, XVII в. — Доп. к Акт. ист., XII, 241, 245.

Русские личные имена или, как их иначе называли, „мирские имена“ встречаются на Руси в XI—XIII вв. значительно чаще, чем заимствованные из православных святцев „христианские“ или „крестные“ имена.

В летописях некоторые князья этой поры называются иногда одновременно двумя именами, из которых одно христианское, а второе языческое, причем главным считалось все-таки „княжое“, т. е. языческое имя. Такое употребление двух имен в древнейшей летописи можно найти только в известиях о кончине или крещении князей, например: „Преставися князь Михайло, зовомый Святополк“ — 1113 г.;¹ „Родися у Ярослава сын Михаил, а княже имя Изяслав“ — 1190 г.² Во всех же остальных случаях русские князья XI—XIII вв. носят только языческое имя (исключение представляют, кажется, только шесть или пять Рюриковичей: Василько, Давыд, Андрей, Юрий и Константин).

Имя рыльского князя XIII в. Василия Шемяки также необходимо рассматривать как сочетание двух имен — „крестного“ и „мирского“, причем слово „Шемяка“ было не прозвищем, а княжим именем (ср. — „в крещении Иосиф, а мирскы Остромир“, 1096 г.).³ В XIV в. княжие имена исчезают, и русские имена князей употребляются только наряду с христианскими в значении прозвищ. Слово „Шемяка“ в составе имени галицкого князя Дмитрия Юрьевича, князей Пронского, Гагарина и Шаховского не является уже личным именем и употребляется только как прозвище. В XV—XVI вв. отчество производилось не только от лич-

¹ ПСРЛ, VII, стр. 22.

² I Новгородск. лет., 163.

³ Ф. И. Буслеев. Историческая хрестоматия... , стб. 1.

ного имени отца, но и от его прозвища: „Данило Сопля... Ивашко Соплин“, сын первого, крестьяне, 1557 г.¹ Слово „Шемячич“ или „Шемякин“, которым сопровождаются христианские имя и отчество потомков Д. Ю. Шемяки и князей Пронских и Шаховских, также было вторым отчеством, образованным от фамильного прозвища „Шемяка“. Исчезнув в среде князей и боярства, русские личные имена вплоть до конца XVII в. были весьма обычны в кругу крестьян, посадских и служилых людей. В документах XVI—XVII вв. часто приводятся русские имена рядом с христианскими в значении личных имен: „Михайло и Шарап Плещеевы“, 1534 г.;² „Минка да Козел Денисовы дети“, 1555 г.³ „Мирские“ имена в глазах населения Московского государства не представляли ничего уничижительного по сравнению с „молитвенными“, „крестными“ именами. Даже в Синодиках умершие прозываются не христианскими, а своими мирскими именами. Так, например, в Синодике 1582 (или 1588) г. мы находим такие имена: Смирной, Брех, Ждан, Кожара, Корепан, Бык, Рудак, Шарап, Мисюр, Сарыч, и т. д.⁴

Обычное в это время образование отчеств от русских имен наряду с христианскими также убеждает нас в том, что в XVI—XVII вв. мирские имена считались вполне равноценными с крестными именами из святцев.

Писцовые и отказные книги, судные дела, поручные записи, приставные памяти, челобитные и другие документы XVI и XVII вв. пестрят разнообразными прозвищами, которые обычно „прописывались“ после имени и отчества: „Васька Иванов сын, прозвище Дылда“, крестьянин, 1629 г.;⁵ „Микифорко Григорьев, прозвище Семихвост“, крестьянин, 1631 г.⁶

Начиная с XV в. в значении прозвищ очень часто употребляются также и русские мирские имена: „Поп Назарей, а прозвище Бажен“, 1626 г.;⁷ „Богдан, а имя ему бог весть“, казак, 1642 г.⁸

Различие в употреблении русских мирских имен, в значении личных имен, с одной стороны, и прозвищ — с другой, представляется весьма относительным и зависело, повидимому, от личных мнений писцов, которые составляли названные выше челобитные, судные дела и писцовые книги. Иначе трудно объяснить многочисленные факты, когда одно и то же лицо на протяжении нескольких строк называется то двумя именами — русским и христианским, то одним только русским именем: „Жук... Василий Жук“, 1482 г.⁹ Русское имя часто намеренно выдвигается

¹ Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, А. Федотова-Чеховского, т. I, Киев, 1860, стр. 143.

² Акты, относящиеся до истории Западной России, т. II, стр. 332.

³ Доп. к Акт. ист., т. I, стр. 73.

⁴ Устрялов. Сказания князя Курбского, СПб., 1868, стр. 373—391.

⁵ Доп. к Акт. ист., т. II, стр. 95.

⁶ Акты юрид., стр. 181.

⁷ Там же, стр. 460.

⁸ Акты Арх. эксп., III, стр. 456.

⁹ Там же, I, стр. 81.

автором документа на первый план как самостоятельное личное имя, но несколькими строками ниже то же самое лицо называется уже христианским именем и русское имя указывается только как прозвище: „Смиряй Гордеев сын Катунин..., Иван Катунин, а прозвище Смиряй“, 1584 г.¹

Все эти наблюдения позволяют нам считать, что и слово „Шемяка“ в XVI—XVII вв. имело одно общее значение личного имени, а не прозвища в тех случаях, когда носителями этого имени были не князья, а упомянутые выше холопы, крестьяне и служилые люди.

Н. А. Полевой в 1833 г. высказал предположение, что само слово „Шемяка“ татарского происхождения; не указывая своего источника, Полевой назвал при этом ногайского хана, который будто бы носил имя Шемяки.² А. С. Орлов³ также считал имя Шемяки заимствованным с Востока. Это мнение о восточном происхождении имени „Шемяка“ не может не вызывать сомнений в своей истинности, так как до сих пор оно не подкреплено никакими доказательствами.

Принимая во внимание почти непреодолимые затруднения, которые обычно возникают при этимологии личных собственных имен, мы ограничимся здесь только некоторыми лексическими параллелями к имени „Шемяка“.

В тюркских языках нам неизвестно ни одной лексемы, которую можно было бы сблизить с интересующим нас словом „шемяка“. В виде исключения приведем один пример из топографической номенклатуры казанских татар: „Шәмек“ — деревня Апастовского района Татарской АССР.

Позднейшие исследователи нигде не упоминают также имени татаро-монгольского хана, который, по словам Н. А. Полевого, прозывался „Шемякою“. Некоторый интерес представляют также словарные параллели из монгольских языков.⁴ В монгольском языке находим глагол *šimekü* (чímэху) — украшать, наряжать, убирать, прикрашивать речь, говорить с прикрасами — и отглагольное имя *šimeg* (чимэк; основа „šime“ + аффикс отглагольного имени „g“) — украшение, убранство, наряд, прикрасы, изящество в речи. Эта же основа известна и в бурято-монгольском языке, где слова „шэмэк“ и „шэмэхэ“ имеют те же значения. Нако-

¹ Доп. к Акт. ист., т. I, 270—272.

² Н. А. Полевой. История русского народа, т. V. М., 1833, стр. 372, прим. 353.

³ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934, стр. 36.

⁴ О. Ковалевский. Монгольско-русско-французский словарь, тт. I—III. Казань, 1844—1849; — К. Ф. Голстунский. Монгольско-русский словарь, тт. I—III. СПб., 1893—1895.

нец, можно привести монгольский глагол *šimekü* (шимэху) — сосать, высасывать, отсасывать.

Все эти лексические параллели могли бы служить основанием для этимологии имени „Шемяка“, но отсутствие историко-семантических связей между этим русским именем и названными иноязычными лексемами исключает в данном случае возможность заимствования из тюркских и монгольских языков или, по крайней мере, делает последнее мало вероятным.

Существуют также и другие соображения, которые заставляют нас отказаться от гипотезы заимствования слова „Шемяка“ из тюркских и монгольских языков. Во-первых, само это личное имя имеет если не исконно русскую, то вполне обруселую форму, потому что флексия „а“ чисто русского происхождения и решительно противоречит законам тюркского и монгольского вокализма. Во-вторых, хронология имени „Шемяка“ не позволяет в данном случае усматривать влияние тюркоязычной культуры Золотой орды, относящейся к XIV в., ибо первый известный нам Шемяка, рыльский князь Василий, жил во второй половине XIII в. и был современником первых татаро-монголов, которые пришли на Русь вместе с Батыем.

Таким образом, мы отказываемся от реконструкции слова „Шемяка“ из словаря тюркских и монгольских языков и, не имея в настоящее время лингвистических фактов из каких-либо других языков, например финно-угорских, должны склониться к мысли о происхождении этого загадочного имени из корнеслова диалектов русского языка. В пользу такого предположения говорит и факт существования среди древнерусских мирских имен обширной группы слов, которые также не поддаются этимологии путем сравнения со словарем тюркских, монгольских и финно-угорских языков. А. Соколов¹ уже высказал мнение, что такие имена вроде: „завьяла“, „курбат“, „салтык“, „шарап“, „шаньга“, „шелгун“, „шемет“, „шибан“, „шишмарь“ и т. д., память о которых сохранилась не только в исторических документах, но и в современных фамилиях, скорее всего могут быть объяснены из анализа словаря русских диалектов.

Сближение и отождествление имени судьи в повести с историческими личностями, носившими имя Шемяка, вызывает прежде всего общие методологические затруднения, которые обычно возникают при сопоставлении собственных имен в художественном произведении и историческом документе. Эти затруднения усугубляются еще и тем соображением, что при распространенности имени „Шемяка“ в XVI—XVII вв. оказывается очень много исторических лиц и, между прочим, приказных судей, которые могли бы быть прототипами для героя повести. Между тем в научной литературе, как мы видели выше, почти безраздельно господствует мнение, отождествляющее судью Шемяку с галицким князем

¹ А. Соколов. Русские имена и прозвища в XVII веке. Казань, 1891, стр. 15 и др.

Дмитрием Юрьевичем, хотя единственным доказательством для такого сближения имен служит свидетельство „старого Хронографа“. Все это заставляет нас вновь вернуться к знаменитому примечанию 338 в пятом томе „Истории государства Российского“ Карамзина — „В Хронографе: от сего убо времени в Велицей Руссии на всякого судью и восхитника во укоризнах прозвася Шемякин суд“. Каждый автор, в какой-либо связи упоминавший о „Шемякином суде“, считал своим долгом привести эту цитату из „старого Хронографа“. Но рукописный источник этого известия и по сей день остается неизвестным, ибо никто, кроме Н. М. Карамзина, никогда не читал в хронографах чего-либо о Шемякином суде. Неудивительно поэтому, что исследователи, не зная первоисточника, вынуждены были заимствовать эту цитату друг у друга. Такая традиция заимствования цитат привела, наконец, Снегирева,¹ а потом и Афанасьева² к замене „восхитника“ в примечании Карамзина словом „восхищник“. Была забыта даже честь „открытия“ Карамзиным этой цитаты в Хронографе, и А. И. Яцимирский³ не без иронии приписывал эту заслугу Сахарову.

Цитата Карамзина о Шемякином суде возбуждает сомнение уже потому, что в примечании 338 тома V „Истории государства Российского“ не указан рукописный источник; общая же ссылка на хронографы проливает очень мало света на действительный источник, которым пользовался Карамзин, ибо, по свидетельству П. М. Строева, в 1828 г. было уже известно 60 списков хронографов.⁴

Однако мы не можем заподозрить автора „Истории государства Российского“ в мистификации, ибо еще И. И. Срезневский писал, что „о многих из древних памятников Карамзиным сказано первое слово и ни об одном не сказано слова некстати и без критики“, и потому вынуждены искать источник для примечания 338.

Из примечаний к „Истории государства Российского“ известно, что Карамзин часто пользовался известиями хронографов и, что особенно важно для нас, в большинстве случаев точно называл используемую им рукопись. Таким образом, нам известны следующие исторические сборники, которыми пользовался Карамзин:

1. Хронограф Толстова,⁵ ркп. ГПБ ЛФ, IV, № 212 (по каталогу собрания графа Толстого, отд. I, № 64). А. Попов относит этот сборник Толстого к спискам I разряда III редакции хронографов.⁶

¹ И. М. Снегирев. Лубочные картинки в Московском мире. М., 1861, стр. 59.

² А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, т. IV. Изд. 4-е, М., 1911, стр. 244.

³ А. И. Яцимирский. Шемякин суд. Энцикл. слов. Брокгауза и Эфрона, полугом 77, стр. 463.

⁴ П. М. Строев, Тр. Общ. ист. при Моск. унив., 1828, ч. IV, стр. 120.

⁵ История государства Российского, т. VII, примеч. 343; т. VIII, примеч. 336; т. IX, примеч. 66, 356, 394, 648; т. X, примеч. 136.

⁶ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. II, М., 1869, стр. 151.

2. Хронограф Сергея Кубасова¹ — „Гранограф сиречь Летописец от сотворения света“, по Демидовскому списку в библиотеке Московского университета. Демидовский список был описан К. Ф. Калайдовичем,² в настоящее время эта рукопись утрачена. А. Попов относит исторический сборник Кубасова к хронографам особого состава.³

3. Хронограф Столяра,⁴ названный так по имени владельца, у которого Карамзин купил этот сборник. Рукопись в лист, XVII в., писанная скорописью на 729 листах. Русские известия заканчиваются 1613 г. и далее следуют приложения: а) 522 л. — Краткий летописец, с 1604 по 1628 г.; б) 533 л. — выписка из Степенной книги; в) 643 л. — Разрядный список с 1632 по 1646 г.; г) 660 л. — Краткий летописец, 1613—1667 гг.; д) 716 л. — „Ведомость о Китайской земле и о глубокой Индеи“, сочиненная в 1669 г. Сборник этот принадлежал Спасского монастыря в Арзамасе игумену Корнилию. На переплете рукой Карамзина написано: „Столяр...“ А. Попов относит Хронограф Столяра к „Хронографам особого состава“.⁵ Хронограф Столяра с 1838 г. принадлежал Археографической комиссии, а в 1878 г. в числе других рукописей Карамзина был передан в Публичную библиотеку.

4. Хронограф Ключарева.⁶

В 1838 г., вдова историографа, Е. А. Карамзина передала рукописи покойного мужа в распоряжение Археографической комиссии. Из реестра рукописей Карамзина, который составил главный редактор и член Комиссии Я. Беренников, следует, что из Карамзинского собрания хронографов сохранились к 1838 г. только четыре сборника:

1. Хронограф Столяра.

2. Хронограф, в лист, XVII в., писан скорописью на 795 лл. Русские события изложены до 1618 г. В конце приложена „Краткая родословная книга“. Сборник принадлежал думному дворянину Федору Ивановичу Чесоданову.

3. Хронограф, в лист, XVII в., писан скорописью на 801 лл. Русские события описаны до 1649 г. Приложения: а) 757 л. — „Повесть о некоем калугере именем Феодоре“; б) 760 л. — „Повесть о рождении Петра Великого“, без конца, писанная позднейшим почерком; в) 763—773 лл. — вpletена новая тетрадь, писанная почерком XVIII в.: „История о начале Русския земли и о сдании Новагорода, и откуда влечашесь род словенских князей“.

4. Хронограф, в лист, конца XVII в., писан скорописью, на 732 лл. Русские события изложены до 1613 г. На переплете рукой Карамзина: „опрошнина, время царя Ивана Васильевича“.⁷

В 1878 г. эти четыре списка хронографов вместе с остальными рукописями историографа были подарены Публичной библиотеке сыновьями Н. М. Карамзина.⁸

¹ История государства Российского, т. I, примеч. 289; т. IX, примеч. 3, 135; т. XI, примеч. 205, 308; т. XII, примеч. 2.

² К. Ф. Калайдович. Русские достопамятности. Изд. Моск. общ. ист. и древн. I, М., 1315, стр. 170—175.

³ А. Попов, II, стр. 231.

⁴ История государства Российского, т. XII, примеч. 46, 47, 61, 64 и др.

⁵ А. Попов, II, стр. 252.

⁶ История государства Российского, т. XII, примеч. 67, 182, 350, 352, 520, 529.

⁷ Протоколы заседаний Археографической комиссии 1835—1840 гг., вып. I, СПб., 1885, стр. 297—298, Протокол заседания 16 августа 1838 г.

⁸ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1, Киев, 1891., стр. 801.

Русские статьи до 1453 г. во всех указанных сборниках непосредственно примыкают к тексту редакции Хронографа 1512 г.

Известные в настоящее время 53 списка этой старшей из дошедших до нас редакций Хронографа восходят к архетипу, который лучше всего передается чтениями так называемой I группы полных списков редакции 1512 г.: список Публичной Библиотеки F. IV, 178 и его продолжение; список ОЛДП из собрания князя Вяземского № ХСVII; список Румянцева № 461.¹

В этом старшем чтении редакции Хронографа 1512 г. в гл. 205 „Великое княжение Московское“ мы находим краткие известия о Д. Ю. Шемяке, а именно: упоминается о ссоре на свадьбе Василия Васильевича, убийстве Семена Морозова, битве великого князя с Юрьевичами на реке Куси и о заточении Шемяки в Коломне в 6944 г. Повествование о Шемякиной смуте продолжается в гл. 207, где есть известия о походе Василия Васильевича в 6950 г. против Шемяки в Углич, ослеплении великого князя, изгнании Дмитрия Юрьевича из Москвы, столкновении великого князя с Дмитрием Юрьевичем под Ярославлем и, наконец, о поражении, нанесенном Шемяке в 6958 г. под Галичем, и бегстве последнего в Новгород.

Летописный рассказ о Д. Ю. Шемяке во всех списках Хронографа 1512 г. заканчивается следующей фразой: „В лето 6958 князь великий Василей Васильевич бился в Галиче с князем Дмитрием Шемякою гелваря в 27 день, и поможе бог великому князю, а Шемяка убежал в великий Новгород“ (исключение представляет только список Публичной библиотеки, Погодина № 1443, в котором после упомянутой фразы имеется известие о смерти Шемяки в Новгороде 1453 г.).²

Русские статьи, в которых содержатся известия о Д. Ю. Шемяке, в хронографах редакции 1617 г. и редакции, возникшей позднее 1620 г., по своему происхождению представляют только сокращения соответствующих статей редакции 1512 г. В редакциях 1617 и 1620—1646 гг. сохранилось только три известия о Д. Ю. Шемяке: ослепление Василия Васильевича, столкновение великого князя с Шемякой под Ярославлем и бегство Шемяки в Новгород после поражения под Галичем.³

Источником для русских статей Хронографа редакции 1512 г. от 6901 до 6959 г. послужили выписки из летописи, близкой по своему составу к I Софийской.⁴

¹ С. П. Р о з а н о в. Хронограф редакции 1512 года. Летопись занятий Археографической комиссии за 1905 г., вып. XVIII, СПб., 1907, стр. 16.

² А. П о п о в. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции, М., 1869, стр. 76 и 81 (по спискам XVI в. — Погодина №№ 1439—1443; Эрм. № 2; Щапова и трем спискам, принадлежащим издателю, под №№ 1—3).

³ А. П о п о в. Изборник... стр. 159; по списку Московской синодальной библиотеки № 135, XVII в.

⁴ А. П о п о в. Обзор хронографов русской редакции, вып. II. М., 1869, стр. 62.

Таким образом, в хронографах всех трех редакций, из которых последняя возникла в 30—40-х годах XVII в., нет да и не могло быть каких-либо свидетельств о Шемякинском суде, ибо подобных известий мы не находим и в единственном источнике интересующих нас статей хронографа, а именно в Летописной повести о Шемякиной смуте.

В IX, X, XII и особенно XI томе „Истории государства Российского“ Карамзин ссылается в примечаниях на хронографы вообще, не указывая при этом названий рукописных сборников, служивших ему источниками.¹ Такая общая ссылка на хронографы объясняется, повидимому, тем, что Карамзин подчас затруднялся в определении названия разнообразных рукописных сборников, из которых большинство впервые привлекалось им как исторический источник. Карамзин сам сомневался в правильности своей классификации списков хронографов и в своем письме к Строеву в 1818 г. писал: „Хронографы разных сочинителей: отвечаю вам за три, в которых известия и порядок различны“.²

Принимая во внимание сказанное выше о I, II и III редакциях Хронографа, мы имеем все основания предполагать, что под хронографом в примечании 338 т. V „Истории государства Российского“ следует подразумевать неизвестный исторический сборник второй половины XVII в.,³ который, повидимому, был утрачен еще в начале XIX в.

Доказательством для такого определения источника к примечанию 338 служит мнение самого Карамзина, который под хронографами подразумевал не только I, II и III редакции хронографа, но и разнообразные исторические компиляции XVII в.: „Так называемые Хронографы, или всеобщая история по византийским летописям, со внесением и нашей весьма краткой. Они любопытны с XVII века, тут уже много подробных современных известий, которых нет в летописях. Доныне еще не издано ни одного хронографа: они разных сочинителей, и тем любопытнее“.⁴

Наконец, текст самой цитаты из неизвестного хронографа содержит указание на то, что подобная запись в сборнике могла быть сделана не ранее 60-х годов XVII в.: „От сего убо времени в Велицей России...“ Искусственное, риторическое название „Великая Россия“ или равнозначная ему форма „Великая Россия“ впервые упоминается в первопечатном Апостоле 1556 г. и „Чине венчания“ царя Феодора Иоанновича 1584 г. Значение географического и политического термина словосочетание „Великая Россия“ приобретает не ранее 1654 г., когда произошло воссоедине-

¹ История государства Российского, т. III, примеч. 8; т. V, примеч. 338; т. IX, примеч. 3; т. X, примеч. 137 и др.

² Н. П. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, стр. 43.

³ В доказательство укажем, что эта цитата Карамзина из мнимого „Хронографа“ имеется в рукописном сборнике XIX в. „Книга глаголемая летописец“, Гос. Литерат. музей, собрание Титова, № 3243, л. 80 (сборник этот указан нам В. И. Малышевым).

⁴ История государства Российского, т. I, стр. XXXV, и примеч.; см. также заметку Карамзина „об издании Хронографов“ за подписью „Неизвестный грек“: — Сын отец, 1816, ч. 27, № 6, отдел „Смесь“, стр. 254—256.

ние Украины с Московским государством. Именно в этом 1654 г. в царском титуле по повелению Алексея Михайловича появляется формула: „самодержец всея Великия и Малыя России“. В приказных документах это новое название государства утвердилось только в 90-х годах. Так, например, еще в 1688 г. особый „Великороссийский приказ“ исключительно ведал делами Слободской Украины с полками ахтырским, сумским, харьковским и изюмским.¹

Замечание А. Н. Пыпина, что „в одном месте книги Каменевича-Рвовского Шемякин суд относится опять ко временам князя Василия Васильевича“,² не только не противоречит нашим наблюдениям, но, наоборот, подтверждает мнение о случайном и позднем происхождении известной цитаты из „старого хронографа“.

В Синодальной библиотеке, в сборнике Никодима Селлия №№ 963—965 (у Карамзина по старому каталогу № 529) в 4° находится обширная компиляция, которая в научной литературе носит краткое название „О древностях Российского государства“. В этом сборнике помещены и два сочинения Каменевича-Рвовского с такими пышными заглавиями:

1. „Книга, именуемая история еллиногрецкая и грекословенская, в память предъидущим родом, от кого и в кая лета зачаса наша Словено-Русская земля и кто въ ней первый начат княжити... нынешнего 192 августа дня 6 новоизследовася и исправися леты, съческих и сербских историков, и книг великих и повестописательных, Стриковского и Нестора руского, летописцов изящных; — смиреннейшим иеро-кенъселиром троицким, молодежским, покровским Рвовским, царьским, кафолицким Каменевичем, жительствующим в Угличе Польсте, на юстии Мологи в монастыри святом Холопи, безмертия тезоименитом тако именуемом“ (№ 946, лл. 166—181).

2. „Историчествующее и древнее описание и сказание всем вамъ есть во указание: о начале родов Московского рода и славенороссийского превеликаго народа, и о преименовании их, и о зачале превеликих градов их, царствующаго и превеликаго и первопробытнаго града Москвы, и государствущаго второпредбытнаго же Великаго Новаграда; и о древности первопробытнаго же ихъ здания и именовзвания известнейшее летописание и первопробытное же о сихъ и правое мое сказание и основание ихъ бывшее. Сице суще предлагаю во уведение слышащим и во предъуверение сия чтущим“ (в конце этого „Описания“ сказано, что оно „сочинено в 7207 году Тимофеем Кифичем или Каменевичем, диаконом монастыря Холопиаго на усть Мологи“) (№ 964, лл. 494—517).³

Одни эти заглавия изобличают Рвовского как типичного представителя „исторического баснословия“ XVII в. Дальнейшее повествование этого писателя представляет пестрое собрание самых причудливых исто-

¹ Лакиер. История титула государей российских. ЖМНП, 1847.

² Архив Калачова, 1859, кн. 4, отд. V, стр. 6.

³ Библио-логический словарь П. М. Строева, СПб., 1882, стр. 161; Словарь Евгения, т. II, стр. 265; Обзор Филарета, стр. 368.

рических „басен“ вроде того, что „брат словенов, Рус, основал город Русу и назвал там одну реку Порусью, а другую Полистою: так именовались жена и дочь его. Потомки сих князей обогатились и прославились мечем своим, завладев всеми странами северными до Ледовитого моря и желтовидных вод, и за высокими каменными горами в земле Сибири до Оби, и до устья беловидная, млечная реки, где ловят зверя дынку или соболя. Они воевали в Египте, в странах Иерусалимских, Еллинских и варварских; мир ужасался их храбрости. Во время Александра македонского управляли словенами и Руссами князья Великосан, Асан, Авехасан...“; или, что Мосох, сын Иафетов, был первым князем и патриархом России и имел „прекрасную жену именем Ква“, „сына Я“ и „дочь Взу“, откуда и пошли названия города Москвы, основанной тем же Мосохом, и реки Яузы.

Карамзин в „Истории государства Российского“ (откуда, между прочим, и заимствовал Пыпин свое известие из Каменевича-Рвовского) иронически называет Рвовского „забавным“, а его сочинения „баснями“ и „сказками“.¹

В. М. Перевощиков первый указал, что „нелепые сказки“ Рвовского послужили источником для пресловутой Иоакимовской летописи, которая была напечатана Татищевым.²

Другие сочинения Тимофея Кифича (Каменевича) Рвовского: переделка „Повести о семи мудрецах“,³ четыре проповеди и послание к Кариону Истомину „Божий град“, написанное прозой и силлабическими виршами, — также отличаются, по словам Сироева, „превеликим многословием и пустословием“.⁴

Известие о Шемякином суде мы находим на 517 л. упомянутого выше „Историческую и древнего описания и сказания...“ Каменевича-Рвовского в сборнике „О древностях Российского государства“: „На устии славные Мологи реки древле были торги великие, даже и до дней грозного Господаря Василия Васильевича Темного, усмирившаго Русскую землю всю от разбоев правдою скиптродержавства своего, и во время его, прежде Шемякина суда, бывшего на него Государя“.⁵

Из этой цитаты не трудно заметить, что Каменевич-Рвовский подразумевает под „Шемякиным судом“ ослепление великого князя. Источники XV—XVI вв., как мы видели выше, никогда не называют „судом“

¹ История государства Российского, т. I, примеч. 70, 91, 377; т. II, примеч. 301; т. IV, примеч. 323; т. IX, примеч. 391.

² В. М. Перевощиков. О русских летописях и летописателях по 1240 год. Тр. имп. Росс. Акад., ч. IV, СПб., 1841, стр. 95.

³ Списки Гос. Публ. библ., собр. Толстого, отд. II, №№ 181, 215 и 370.

⁴ В. Лествицын. Каменевич-Рвовский, мологский проповедник XVII века. Яросл. епарх. вед., 1875, № 9, стр. 65. — А. Титов. Рукописи В. Вахромеева, вып. II, М., 1892; он же. Два поучения Каменевича-Рвовского, М., 1892; Библиогр. зап., 1892, № 3; Ист. вестн., 1897 г., т. 67, стр. 1012—1014.

⁵ Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи. М., 1878, стр. 39.

заговор удельных князей против Василия Темного, да и трудно предположить, чтобы события княжеской междоусобицы, столь обычные для той поры, могли носить в устах современников такое мало подходящее название, как „суд“.

Не менее важно и то соображение, что Рвовский писал свое сочинение в 1699 г., и потому, рассказывая о событиях 1446 г., должен был пользоваться какими-то источниками. Благодаря А. Д. Черткову стал известен и один из источников, которым пользовался Рвовский в своих исторических сочинениях, а именно „сказание о начале града Москвы и о великом князе Данииле Александровиче“.¹

Нет необходимости доказывать, что те немногие исторические факты, которые можно было бы найти в повестях о начале Москвы и в некоторых других полуполюгендарных источниках, в сочинении Рвовского бесследно затерялись среди квази-исторических домыслов и многословных риторических украшений.

Таким образом, известие Каменевича-Рвовского о Шемякином суде представляет ценность только как свидетельство современника о бытовании одноименной повести в 1699 г., но это же известие никак не может служить историческим источником при исследовании событий Шемякиной смуты XV в. и поэтому не заслуживает доверия.

Упоминание о „Шемякином суде“ в сочинении Каменевича-Рвовского и в неизвестном историческом сборнике, который цитировал Карамзин в примечании 338 т. V „Истории государства Российского“, до некоторой степени объясняет и происхождение этой „пословицы“ о „неправедном суде“.

Мы указывали уже выше, что отождествление имени „неправедного судьи“ с галицким князем Д. Ю. Шемякой, которое мы находим в названных двух памятниках конца XVII в., не подтверждается документами XV и XVI вв.

С. М. Соловьев, следуя за Карамзиным, объяснял происхождение „пословицы о Шемякином суде“ тем впечатлением, которое произвели на московских жителей Шемяка и его сподвижники-галичане: окруженный в Москве врагами, Шемяка вынужден был в своей деятельности, в том числе и судебной, уступать требованиям князей-союзников и дружины в ущерб интересам москвичей, поэтому в памяти последних понятие о неправедном суде связалось с именем Шемяки.² Предложенное

¹ По списку Новгородской летописи XVII—XVIII в., напечатанному Чертковым, см. „Врем. Моск. общ. ист.“, XI, стр. 25—29; см. также Х. Лопарев. Повесть о смерти князя Даниила Александровича и о начале Москвы. Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1899—1900 гг., СПб., 1901, Памятники древней письменности и искусства, № СХII, стр. 15—34; С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы. Тр. Отд. др.-русс. лит. ИРЛИ АН СССР, т. III, М. — Л., 1936, стр. 76—92.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. IV, стр. 75—76.

С. М. Соловьевым объяснение генезиса „пословицы“ о Шемякином суде было принято впоследствии К. Н. Бестужевым-Рюминым,¹ А. А. Экземплярским² и В. С. Иконниковым.³

Такое объяснение „пословицы“ о Шемякином суде страдает логической ошибкой порочного круга, ибо Соловьев пытается объяснить „пословицу“ бесчинствами Д. Ю. Шемяки, преждевременно считая судью Шемяку и вероломного соперника Василия Темного одним и тем же лицом, хотя именно причастность этого галицкого князя к „кривосуду“ прежде всего нуждается в доказательстве. Не менее сомнительным в толковании Соловьева кажется и то запоминающееся „впечатление“, которое будто бы произвела на москвичей судебная деятельность Дмитрия Юрьевича и галицких бояр, так как чрезвычайно трудно предположить, что удельный князь, который на несколько месяцев занял Московский великокняжеский престол, мог бы создать какое-то своеобразное судопроизводство; и, наконец, из того достоверного факта, что галицкие бояре притесняли москвичей, также невозможно сделать вывод о влиянии княжеской междоусобицы на состояние примитивного судостроительства XV в., которое всегда преследовало интересы „княжьей казны“.

Таким образом, несмотря на внешнее правдоподобие, интерпретация Соловьева основана на субъективных домыслах ее автора, и в этой связи такое толкование „пословицы“ очень напоминает целиком вымышленное описание „Шемякина суда“ в романе П. Свиньина: „Суд и расправа достались в руки людей пронырливых и неспособных, сделавшихся орудием других. Следствием сего было криводушие и лихоимство... К особенностям княжения Шемяки должно заметить, что как он, так и его тиуны умели придавать вид законности самым кривым, вопиющим решениям, и, к несчастью, положили основание науке толковать и применять законы к своим видам и выгодам, науке, которая увы! до поздних времен имела большое число учеников на святой Руси! Злопамятное предание сохранило некоторые примеры сих пристрастных решений Шемяки, кои удивляют утонченностью крючкотворства и вместе наглостию. Мы хотели было рассказать оные при сем случае, но побоялись, чтоб кривосуды не растолковали их иначе, ... для того скажем только, что всякая несправедливость оттоль стала называться «Шемякиным судом»“.⁴

Итак, попытки всех исследователей, которые стремились объяснить генезис пословицы или поговорки о кривосуде „воспоминаниями“ о Д. Ю. Шемяке, оказались безуспешными, и поэтому с уверенностью

¹ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, СПб., 1872, стр. 414.

² А. А. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1233 по 1505 год, т. II, СПб., 1889, стр. 243.

³ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1903, стр. 1808, примеч. 3.

⁴ П. Свиньин. Шемякин суд или последнее междоусобие удельных князей русских, ч. IV. М., 1832, стр. 57—58.

можно считать, что нарицательное имя „Шемякин суд“ возникло без влияния преданий о галицком князе XV в.

Поговорка о Шемякином суде, подобно многим другим русским пословицам и поговоркам, возникла как сентенция, почерпнутая из литературного текста, а именно из одноименной повести XVII в. Отсюда следует вывод, что не поговорка хронологически предшествует повести, как это думали исследователи Шемякина суда, а наоборот: повесть старше пословицы или поговорки.

Генезис пословичного выражения „Шемякин суд“ может служить одним из многочисленных примеров такого распространенного в русском фольклоре явления, как сокращение сказки в пословицу и поговорку; такую аналогию, которая объясняет возникновение поговорки о Шемякином суде, представляет, например, сказочное происхождение украинской поговорки: „Товчетця, як Марко по пеклу“, которая восходит к сказке о Марке Богатом; поговорки: „Прямой дурак“, „Дурному горя мало“, „И бог за дурнем“—являются непосредственным заимствованием из сказок о дурнях; наконец, Л. Э. Колмачевский убедительно доказал, что многие пословицы имеют своим источником сказки о животных.¹

Популярностью повести „Шемякин суд“ в конце XVII в. можно объяснить и „исторические“ домыслы Каменевича-Рвовского и составителя карамзинского Хронографа о „судах“ галицкого князя Дмитрия Юрьевича: оба эти автора XVII в., основываясь на совпадении имен обоих Шемяк, без труда перенесли „кривосуд“ с имени литературного героя на исторического князя XV в., который был хорошо им известен по летописной повести о Шемякиной смуте.

Мы неоднократно подчеркивали выше, что имя судьбы в повести только внешне совпадает с прозвищем галицкого князя Дмитрия Юрьевича, исключая тем самым возможность существования исторической связи между героем „Шемякина суда“ и этим удельным князем XV в. Мы отказываемся также и от поисков других исторических прототипов для образа лихоимного судьбы XVII в., хотя бы уже потому, что очень многие исторические лица той поры носили имя Шемяка.

Историческая интерпретация имени Шемяка вызывает много затруднений, ибо сюжет повести о Шемякином суде в процессе своего бытования мог применяться к разным историческим личностям.

Насколько превратна в этом отношении судьба некоторых сюжетов, свидетельствует, например, история сказок об Иване Грозном, записанных Коллинзом в XVII в.: сказка „О лапотнике“ (по Указателю Аарне-Андреева № 921) и сказка „О царе и воре“ (Аарне-Андреев, №№ 950

¹ Л. Э. Колмачевский. Животный эпос на Западе и у нас. Казань, 1892, стр. 30—35. — См. также: А. Н. Пыпин. О русской народной сказке. Отеч. зап., 1856, № 5, стр. 25; Ф. И. Буслаяев. Русский быт и пословицы. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, СПб., 1861, стр. 91.

и 951).¹ Сказка „о царе и воре“, связанная в этой записи XVII в. с именем Грозного, через несколько десятилетий рассказывалась уже по поводу действий Петра I: таковы записи той же сказки в протоколах показаний обвиняемых в тайной канцелярии в 1730, 1745, 1752 и 1754 гг., т. е. буквально спустя несколько лет после смерти Петра I.²

Не трудно заметить, что фольклорная традиция приурочивает некоторые сказки и анекдоты к имени того или иного лица очень часто вопреки исторической действительности, основываясь при этом на сходном отношении к сближаемым героям.

Судьба сказки об Иване Грозном в записи XVII в. составляет важный прецедент при истолковании имени судьи Шемяки, ибо повесть о Шемякином суде по своей жанровой природе также представляет новеллистическую сказку.

Интересно отметить, что „Шемякин суд“ не является единственной оригинальной повестью XVII в., герой которой носит „историческое“ имя. Аналогичное явление находим мы в повести о Карпе Сутулове, в основе которой тоже лежит сказочный сюжет, и в повести о Савве Грудцыне: фамилии Сутулова³ и Грудцына⁴ в одноименных повестях также совпадают с именами крестьян и купцов XVII в., известных из исторических документов.

Подобная аналогия в известной мере убеждает нас в том, что при-своение герою повести имени Шемяка вряд ли может быть объяснено только прямым влиянием исторического события и что здесь скорее имеет место особый литературный прием, бытовавший в XVII в. Внешнее выражение этого приема состоит в том, что авторы повестей XVII в. обильно включали в свое повествование разнообразные реалии современного им быта и поэтому, между прочим, избегали вымышленных имен для своих героев.

¹ Samuel Collins. The present State of Russia in a letter to a friend at London... London, 1667, русский перевод П. В. Киреевского в „Чтениях Общ. ист. и древн. росс. при Моск. унив.“, 1846, № 1, стр. 1—41, и „Русский вестник“, 1811, кн. 7, стр. 161—162 и кн. 9, стр. 567—594; см. также Dictionary of National Biography, vol. XI, 1921, стр. 375—376.

² В. Ф. Миллер. К песням, сказкам и преданиям о Петре Великом. Русск. филол. вестн., т. LXI, 1909, № 1, стр. 40 и сл. — П. К. Симоны. Сказки о Петре Великом в записях 1745—1754 гг. Жив. стар., 1903, вып. I—II, стр. 225.

³ Гридя Иванов сын Сутулова, крестьянин близ Вологды — Акты юрид., 171; Ю. М. Соколов. Повесть о Карпе Сутулове, М., 1914.

⁴ Имена московских и устюжских купцов: Якима Грудцына, сосредоточившего в своих руках 1/23 всех капиталов в Московской сотне, Алексея Грудцына, который закупил „с товарищи“ 12327 с половиною четвертей хлеба, а также Ивана, Степана, Силы и Василия Грудцыных — были достаточно известны в Московском государстве XVII в. См.: Е. Сташевский. Пятина 142 г. и торгово-промышленные центры Московского государства. ЖМНП, № 5, 1912, стр. 113; А. А. Титов. Летопись Велико-устюжская, М., 1889, стр. 66; М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне. Тр. Отд. арх.-русск. лит. ИРЛИ АН СССР, т. II, М.—Л., 1935, стр. 193—194.

Такое стилистическое использование собственных имен характерно для памятников сатирической литературы XVII в. вроде „Калязинской челобитной“ и „Праздника кабацких ярыжек“, в которых имена героев составляют только колоритную деталь в общей „натуралистической“ картине „кабацкого разорения“ и „монастырского разгула“, нарисованной их авторами. Героями „Калязинской челобитной“ оказываются по замыслу автора этой пародии известные исторические личности: Симеон, архиепископ Тверской и Кашинский (с 16 апреля 1676 г. до июня 1681 г.) и его современник Гавриил, архимандрит знаменитого Троицкого Калязина монастыря.¹

Имена пьяниц в „Празднике кабацких ярыжек“ — Розьянка, Кокорка, Трус, Куреха, Гомзин и Черный — также засвидетельствованы в документах XVI—XVII вв. на северо-востоке России; появление в сатире этих имен, известных только на северо-востоке Московского государства, тем более естественно, что автор „Праздника кабацких ярыжек“ сам, повидимому, был жителем Сольвычегодского края.²

Все эти наблюдения над отражением исторической действительности в сказках и повестях XVII в. заставляют нас быть особенно осторожными в интерпретации имени судьи в повести „Шемякин суд“, тем более, что в этой повести мы имеем не определенную фамилию вроде „Грудцын“ или „Сутулов“, а только распространенное в XVII в. русское имя сказочного героя.

Решение проблемы взаимоотношений исторической действительности и народного предания в данном случае означало бы уяснение историзма сказки, т. е. того, в какой мере сказка может служить историческим источником для характеристики легендарной личности и в чем проявляется это соответствие между исторической действительностью и сказочным повествованием. Историческую действительность в сказке необходимо искать не в бытовых деталях ее сюжета и не в самой фабуле, но в общем отношении к действительности, т. е. в той оценке, которую сказочник дает своему герою. Сказки об Иване Грозном³ являются историческими не потому, что в них имеются реалии XVI в., а потому, что в них выражается отношение народа к деятельности Грозного, которое сказалось в отборе определенных сюжетов, объединенных в цикл вокруг личности легендарного царя. Творчество народа отличается верным пониманием истории, которое побуждает народных сказителей приурочивать к своему герою лишь те издавна знакомые сказки и анекдоты, которые действительно отвечали народному пониманию истори-

¹ П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 448. — Л. Денисов. Православные монастыри Российской империи. М., 1908, стр. 826—829.

² Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. — В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 54.

³ Древняя и Новая Россия, 1876, № 4, стр. 313—323.

ческого лица. В таком именно, и лишь в этом, смысле и сказки могут служить исторической характеристике. Такое понимание историзма объясняет, почему одни и те же сказки приурочивались то к имени Ивана Грозного, то к имени Петра I: народ видел нечто общее в деятельности обоих царей¹ и, выражая свои симпатии к обеим историческим личностям, он приурочивал к именам Ивана Грозного и Петра I одинаковые сказки.

Эти выводы можно распространить и на повесть о Шемякином суде, ибо эта сказочная повесть XVII в. имеет типологическое родство с современными ей новеллистическими сказками об Иване Грозном. В таком случае все „исторические“ аналогии между вероломством галицкого князя Дмитрия Юрьевича и крючкотворством судьи Шемяки теряют какой-либо смысл, потому что сказочный сюжет повести есть продукт художественного вымысла, а не предание о каком-то историческом событии.

Рассуждая таким образом, мы должны будем признать, что, вопреки мнению прежних исследователей,² склонных видеть „историзм“ повести в одном только имени Шемяка, это имя судьи представляет наиболее сомнительную историческую реалию в тексте „Шемякина суда“, особенно если сравнивать этот факт с достоверными свидетельствами из истории судопроизводства XVII в., которые имеются в этой повести. Что же касается ответа на вопрос: почему же все-таки автор повести избрал имя Шемяки, а не какое-то другое для своего одиозного героя, олицетворяющего приказное взяточничество и крючкотворство, то здесь возможны только предположения, которые, однако, будут более соответствовать исторической действительности, чем досужий вымысел представителей „исторического баснословия“ XVII в. о галицком князе Дмитрии Юрьевиче.

Так, например, естественно будет предположить, что легендарную личность неизвестного нам судьи Шемяки (если такой вообще существовал) нужно искать не среди удельных князей XV в., весьма далеких от приказного суда Алексея Михайловича, а между деятелями московских приказов эпохи, современной автору повести. И действительно, среди многих Шемяк мы можем указать на князей Шаховских-Шемякиных, четверо из которых, как мы указывали выше, были судьями в Московском судном, Владимирском судном, Холопьем, Новой чети и Разбойном приказах в середине XVII в. и, следовательно, могли быть возможными, хотя и мало вероятными прототипами для литературного героя повести. От других гадательных гипотез мы отказываемся.

¹ И. Сенигов. Народное воззрение на деятельность Иоанна Грозного. СПб., 1882, стр. 9.—В. Кордт. Чужоземні подорожені по східній Европі до 1700 р. Киев, 1926, стр. 126.

² М. И. Сухомлинов. Шемякин суд. Сб. ОРЯС АН, т. 85, СПб., 1908, стр. 665.—Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 343.

Заканчивая этим исторические разыскания о Шемяке и Шемякином суде, мы считаем возможным сделать следующие выводы.

1. Слово „Шемяка“ в XVI—XVII вв. было распространенным русским „мирским“ именем и уже поэтому всякие сближения имени героя повести „Шемякин суд“ с историческими Шемяками, основанные на одном только внешнем совпадении имен, теряют всякий смысл.

2. Вопреки мнению Н. А. Плеваго, А. Н. Веселовского и А. С. Орлова о восточном происхождении имени судьи в повести, мы должны признать, что слово „Шемяка“ не имеет родственных параллелей в словаре тюркских, монгольских и финских языков, и поэтому будет правомерным предположение, объясняющее этимологию имени Шемяка из лексики диалектов русского языка.

3. Свидетельство загадочного „старого хронографа“, на которое ссылался Карамзин, в действительности оказывается позднейшей интерполяцией, сделанной не ранее конца XVII в. в неизвестном историческом сборнике, отличном по своему тексту от хронографов редакции 1512, 1617 и 1620—1646 гг.

4. Упоминание о Шемякином суде в „Историческую... сказании...“ Каменевича-Рвовского, написанном им в 1699 г., убеждает нас в том, что писатели конца XVII в., подобные Рвовскому, основываясь на совпадении имен обоих Шемяк, без труда „перенесли“ „кривосуд“ с имени героя популярной в то время повести на знаменитого галицкого князя XV в.

5. Поговорка о Шемякином суде возникла не из преданий о судебной деятельности Д. Ю. Шемяки, которые при ближайшем рассмотрении оказываются только субъективными домыслами С. В. Соловьева, а из текста одноименной повести, и поэтому повесть в данном случае старше поговорки.

6. Мнение М. И. Сухомлинова и Ю. М. Соколова, видевших „историзм“ повести „Шемякин суд“ в одном только имени судьи, представляется более чем сомнительным, потому что сказочный сюжет о судебных приговорах мог быть приурочен к разным историческим лицам, и к тому же судья в повести назван только по имени, а не по фамилии.

7. Из всего этого следует, что общепризнанное мнение исследователей „Шемякина суда“, которые усматривали в имени судьи отголосок предания о Д. Ю. Шемяке, должно быть отвергнуто как необоснованное, ибо такое отождествление имен возникло в научной литературе только благодаря доверчивому и некритичному отношению со стороны Карамзина к историческому баснословию XVII в.